ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 82 (2465) Среда, 13 октября 1948 г. Цена 40 коп.

Комсомол и литература

Многолетняя работа партии Ленина — Сталина по воспитанию своего боевого резерва, своего верного помощника — комсомола — предоставила советской молодежи «широчайшую возможность быть людьми, каких еще не было на земле» (М. Горький). Партия сделала молодое поколение полным хозяином лучших достижений культуры прошлого, она вдохновила создание величественных богатств новой социалистической культуры, науки, искусства и предназначила их высокому служению делу воспитания молодежи. Партия выпестовала могучую советскую литературу, задача которой «состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия» (Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»).

Развитие советской литературы неразрывно связано с историческим путем ленинско-сталинского комсомола. Непрестанно ширится и углубляется замечательный процесс духовного взаимообогащения между литературой и комсомолом. Советские писатели черпали и черпают материал для вдохновения в героической деятельности комсомольцев. Советская молодежь находит в лице героев лучших произведений нашей литературы достойный, вдохновляющий пример для себя.

Подобной кровной связи с делами и думами молодежи не знала, да и не могла знать ни одна литература мира. Такое духовное родство немыслимо в странах капитализма, где средства буржуазного искусства поставлены его хозяевами на то, чтобы растлить сознание молодежи, разрушить свойственную юности веру в жизнь, стремление к идеалу, парализовать ее волю к действию.

Основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький незадолго перед революцией писал в письме к Ромэн Роллану: «Наша цель — внушить молодежи любовь и веру в жизнь. Мы хотим научить людей героизму. Нужно, чтоб человек понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит ответственность за все несчастья на земле и ему же принадлежит слава за все доброе, что есть в жизни. Нужно помочь человеку порвать цепь индивидуализма и национализма».

Горький подарил своему народу такие книги. Неувядаемый образ молодого большевика Павла Власова был для первых поколений советской молодежи почти единственным духовно близким литературным героем, он и поныне остается одним из ее любимейших образов. Всю свою звонкую силу поэта, всю страсть борца за новое вложил В. Маяковский в стихи, с которыми он обращался к молодежи. Поэт-новатор, он мобилизовал молодежь на самоотверженную борьбу, он учил ее любви к партии, к советской Родине, звал ее к солнечным далям коммунизма.

Коммунизм,
это — молодость мира,
И его
возводить
молодым.

Как никто из его современников-поэтов, Маяковский обладал даром понимать молодые сердца, зажигать и волновать юность своим стремлением к идеалу, к победе нового над издыхающим старым, и сразу же вспыхнувшая, как искра, любовь молодежи к поэту разгорелась теперь в негаснущее пламя.

Росла и мужала советская литература, вдохновляемая революционным творчеством масс, руководимых партией большевиков. Первые классические книги этой молодой литературы навечно вошли в избранную библиотеку молодого человека советской эпохи. В образах Кожуха, Чапаева, Клычкова, Левинсона, Глеба Чумалова молодежь находила лучшие черты того старшего поколения, наследницей и продолжательницей великих дел которого она по праву считала себя. Она училась у этих героев революционной стойкости, преданности Родине, самоотверженности и боевой отваге. И уже сама советская юность вступала в литературу, заявляя о себе звонким голосом песни, боевого стиха. Герой-комсомолец пришел в нашу литературу вначале как лирический герой, с голосом, иногда еще по-мальчишески грубоватым; он не всегда еще умел облечь свои мысли в высокую художественную форму, но голос его был тверд, а мысли определенны и ясны. Многое, очень многое, из творчества поэтов тех лет — поэтов, которых молодежь называла своими «комсомольскими поэтами», не выдержало художественной проверки временем, но немало осталось строк, сохранивших способность обжигать и закалять сердца.

Вперед, заре навстречу!
Товарищи в борьбе, —

с какой новой силой зазвучали эти строки «Молодой гвардии» А. Безыменского в новую эпоху Великой Отечественной войны.

Молодой герой советской эпохи шел в литературу уверенной походкой хозяина, с уважением уступая дорогу своим отцам и братьям и безжалостно вытесняя своими широкими плечами литературных «героев», отражающих психологию, сознание старого мира.

«Как закалялась сталь» — книга, созданная представителем нового поколения советских людей, была книгой, ознаменовавшей новый этап в развитии нашей литературы. До сих пор, думается, новаторское значение этой книги не до конца понято и освоено литературной критикой. В образе Павла Корчагина впервые нашел свое художественное воплощение новый тип молодого человека сталинской эпохи, формирование сознания и характера которого протекало в условиях нового общественного бытия. С этой книгой утвердился в литературе новый герой — представитель молодого поколения, выросший в годы советской власти, воспитанник партии большевиков.

Раскрывая существо подвига советской молодежи в Великой Отечественной войне, наша литература сумела ярко показать роль комсомола в воспитании того поколения людей, которое, как говорил товарищ В. М. Молотов, только еще расправляет свои орлиные крылья. Подвиг молодогвардейцев, запечатленный в романе А. Фадеева, вновь воссозданный в фильме С. Герасимова, стал героическим гимном во славу нашей молодежи, нашего комсомола, во славу великой партии, вырастившей эту молодежь.

Из рядов комсомола неиссякаемым потоком вливаются новые кадры в нашу советскую литературу. Многие писатели, уже завоевавшие всенародное признание, — в прошлом его воспитанники. С комсомольской биографией пришла после войны в литературу когорта молодых прозаиков и поэтов, в руках которой будущая слава нашей литературы.

Советская молодежь глубоко ценит и любит родную советскую литературу. «Нельзя забывать о той роли, какую играют литературные образы в формировании духовного облика молодого человека, — писал секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Н. Михайлов. — Через художественную литературу зачастую легче доходит до сознания молодого человека существо советского мировоззрения, существо новых отношений между людьми, свойственных советскому обществу, раскрывающихся в образах героев советской художественной литературы».

Свое героическое тридцатилетие ленинско-сталинский комсомол, вдохновленный великими идеями коммунизма, встречает новыми победами в созидательном труде на благо Родины.

Вперед и выше, комсомолец!

Пусть новые трудовые подвиги славной советской молодежи послужат неиссякаемым источником для создания новых художественных произведений во славу Родины, Партии, во славу твою, Комсомол! Пусть твоя зажигающая энергия, вечная твоя молодость помогут рождению новых, еще более глубоких образов, способных сохранить для грядущих поколений высокоидейный облик молодого человека нашей эпохи, воспитанного великой партией Ленина — Сталина.

Длительный поток красноречия...

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

...И его краткий смысл

Валентин КАТАЕВ

Счастливое видение

Сегодня мы публикуем отрывок из нового романа В. Катаева. Название романа автором еще не определено. Действие романа развертывается во время войны в оккупированной румыно-немецкими захватчиками Одессе. В городе, скрываясь в катакомбах, работает подпольный райком партии. Им руководит Гаврик. В нем читатель узнает Гаврика из повести «Белеет парус одинокий».

Детское имя Гаврик стало во время революции и Великой Отечественной войны его партийной кличкой. За годы, которые прошли с тех пор, когда Гаврик мальчиком помогал своему брату и матросу с «Потемкина» Жукову — большевикам, участникам первой русской революции, он вырос в партийного руководителя одного из районов Одессы. В отряде находится Матрена Терентьевна — Мотя из повести «Белеет парус одинокий», ее дочь Валентина и Петя Бачей — сын друга Гаврика — Петра Бачея.

Писатель продолжает работать над произведением. Полностью роман будет печататься в журнале «Новый мир».

Гаврик поднял ладонь ребром и некоторое время прислушивался к шороху снега, продолжавшего оседать на стены выхода. Потом, прежде чем выпустить людей наверх, он еще раз коротко и точно повторил общее боевое задание и еще раз каждому в отдельности рассказал его обязанности во время операции.

Можно было подумать, что предстоит нечто грандиозное. Между тем все дело заключалось лишь в том, чтобы вынести наверх антенну, установить ее где-нибудь на открытом месте недалеко от входа, соединить проводом с радиоаппаратом, находящимся в первой пещере, и обеспечить охрану антенны на то время, пока будет приниматься сводка Совинформбюро.

Только и всего. Кажется, можно было обойтись без излишней волокиты. И тем не менее Гаврик кропотливо и настойчиво несколько раз повторил боевое задание, спросил у всех вместе и у каждого в отдельности, все ли понятно. Напоследок, как бы проверяя самого себя, он еще в самый последний раз сказал:

— Стало быть так: по моему сигналу Синичкин-Железный, имея при себе винтовку, по частям выносит наверх антенну. Сначала верхнюю часть, потом крестовину и тут же сначала их соединяет, а уже потом в соединенном виде быстро несет дальше к месту установки. Место установки — в зависимости от обстоятельств, не ближе десяти и не дальше семидесяти метров от входа. Железный, тебе все ясно?

Синичкин-Железный немного подумал, а затем глухим басом сказал:

— Понимаю. Сделаю.

— Теперь, — продолжал Гаврик, — за Синичкиным-Железным, опять же по моему сигналу, имея при себе винтовку, выходит Серафим Туляков с катушкой и, след в след за Синичкиным-Железным, тянет провод, затем быстро его присоединяет к антенне и возвращается назад к ходу «ежики» и здесь остается на посту наблюдения до конца приема сводки Совинформбюро, то-есть до моего сигнала. Если в течение этого времени заметит, что к антенне приближается кто-либо посторонний, а в особенности румынский патруль, — открывает огонь без предупреждения и стреляет до тех пор, пока не обеспечит полной неприкосновенности антенны. Но я сегодня ночью не надеюсь на румынских вояк. Они нас заминировали и сидят спокойно в хатах, дожидаются, что мы сами собой подорвемся на их минах. Все-таки надо быть на-чеку. Серафим, тебе ясно?

— Да.

— Я очень рад. Святослав остается под землей и обеспечивает быстрое и своевременное включение антенны в радиоприемник, а также настройку аппарата на московскую волну. Каждые десять-пятнадцать минут включает аппарат на минуточку, чтобы не пропустить передачу и вместе с тем чтобы зря не расходовать электроток. Как только начнется передача сводки Совинформбюро, — дать полный звук и записывать на слух. Ты понял, солдат?

— Понял.

— А вы, — сказал Гаврик, обратившись к Пете и Валентине, — поскольку вы, в общем, заслужили сегодня право находиться здесь, при передаче, — будете тоже записывать на слух на тот случай, если Святослав что-нибудь пропустит. Мы потом сверим все три записи. Вам это ясно?

— Ясно! — закричали Петя и Валентина в один голос.

— Только без шума. И вести себя вполне прилично. Святослав остается за старшего, и вы ему обязаны подчиняться беспрекословно. Это будет для вас проверка — насколько вы уже созрели для подпольной работы. Бумага и карандаши при вас?

— При мне, — сказал Петя, который всегда носил с собой записную книжку и карандаш.

— А у меня нет, — растерянно сказала Валентина.

— Ага! — с торжеством крикнул Петя. — Не надо быть растяпой!

Но Гаврик посмотрел на него строго и сказал:

— Бумагу и карандаш поделите. Все. Внимание. Сейчас я выхожу первый. Ждите сигнала.

Гаврик вышел из пещеры, и через несколько минут сверху раздался его сигнал — осторожный крик петуха. В тот же миг Синичкин-Железный подхватил свою неуклюжую антенну и проворно протиснул ее в щель — сначала верхнюю часть, похожую на елку, потом крестовину. Следом за ним из пещеры выбрался Серафим Туляков с катушкой на плече.

И в пещере остались только Петя, Валентина и Святослав, который быстро присоединил к радиоприемнику конец антенны, проверил заземление — тесак, воткнутый в землю, и замер на корточках перед ящиком, положив рядом с собой тетрадку и карандаш.

Так началась эта ночь, принесшая столько радости и надежд маленькому отряду Гаврика.

Петя и Валентина изнывали от нетерпенья, ожидая, когда же, наконец, начнется прием Москвы. Они уже давно поделили бумагу и лезвием безопасной бритвы разрезали пополам петин карандаш. Они уже успели поссориться и помириться из-за того, кому какой кусок карандаша достанется. Они уже подтащили свой камень поближе к Святославу и разложили письменные принадлежности. Они уже несколько раз, стоя на коленях, написали на бумаге «проба карандаша», а Петя даже нарисовал карикатуру на Валентину, где девочка получилась хотя и с неестественно длинным носом и растопыренными руками, но все же чем-то похожая, и с надписью изо рта «растяпа-воображала». Несколько раз уже Святослав пробовал включить радио, — загорался зеленый глазок, — но звука еще не было, слышался только неразборчивый треск, как видно, Синичкин-Железный еще не установил антенну, а Серафим Туляков еще не присоединил к ней провод.

Можно было сойти с ума от нетерпенья и скуки.

— Ах, боже мой, вот наказанье, — несколько раз говорила Валентина, с досадой отбрасывая с лица волосы.

Она клала на плечо Святославу локоть, заглядывала ему в лицо и спрашивала:

— Что случилось? Ты не знаешь, почему они так долго копаются?

— Не могу сказать, — сухо и вежливо отвечал Святослав.

Но она продолжала настойчиво заглядывать ему в лицо своими зеленоватыми, мерцающими глазами, как бы желая ускорить слишком медленное движение времени.

— Можно подумать, что это зависит от него, — чувствуя какое-то странное раздражение, говорил Петя. — Навалилась на человека, как корова, только мешаешь работать.

— Он еще не работает.

— Да, но он каждую минуту может начать работать.

Валентина с нетерпеливым вздохом снимала руку с плеча Святослава и принималась писать на своей бумаге «проба карандаша», «проба карандаша», «проба карандаша», «Москва Совинформбюро», «Москва Совинформбюро»...

— Ах, боже мой, вот наказанье!

Несколько раз, не выдержав безделья, Петя и Валентина начинали расхаживать по пещере в разных направлениях, натыкаясь друг на друга посередине и не уступая друг другу дорогу. Они начинали толкаться плечами и уже несколько раз собирались поднять возню, но Святослав покрикивал на них с напускной строгостью:

— Эй, вы! Пионерская организация! Полегче!

Несколько раз они осторожно подходили к самому выходу и долго прислушивались. Один раз, заметив, что Святослав на них не смотрит, они даже отважились полезть в щель. Они воровато переглянулись и тотчас поняли друг друга. Затаив дыхание и стараясь не сделать ни малейшего шума, они протиснулись в щель. Держась друг за друга, они стали подниматься вверх по темному ходу. Несколько полевых мышей, спасающихся от мороза, с писком шмыгнуло мимо Пети и Валентины по стене хода. Одна мышь даже пробежала по плечу Валентины, и девочка почувствовала, как длинный хвост проехался по ее щеке.

Хотя Валентина была во всех отношениях храбрая девушка, но все же мышей она ужасно боялась. Она прижалась к Пете, уткнулась лицом в его спину и сама пискнула, как мышь. Несомненно, во всякое другое время она бы просто закричала, но теперь удержалась, чтобы не выдать себя и Петю.

— Перестанешь ли ты пищать, трусиха? — зловеще прошептал Петя, с опаской поглядывая по сторонам, и сам на всякий случай прижался к Валентине. — Мышей боится, а еще пионерка. Позор!

Впрочем, в следующий миг в лицо им ударил пушистый, морозный ветер, и они увидели волшебную картину зимней ночи.

Все вокруг было покрыто струящейся, волнистой пеленой снега, над которым ветер крутил и стлал дымный газ поземки. Радужное пятно луны стремительно неслось навстречу перемешанным тучам, то совсем пропадая в их мутной толще, то — где тучи были тоньше — разгоралось ярким фосфором. И тени туч, набегая друг на друга и перемешиваясь, бежали по сияющим снегам, как странные бесформенные живые существа.

Проваливаясь по пояс в снег, Петя и Валентина выбрались наверх балки и увидели невдалеке три фигуры гномов, которые возились возле осыпанной снегом, сияющей и дымящейся елки. Они поняли, что эта елка — не что иное, как антенна, и что эти гномы — дядя Гаврик, Серафим Туляков и Синичкин-Железный. В ту же минуту раздался петушиный крик, и гномы повернулись и один за другим пошли назад к балке.

Петя и Валентина тоже бросились назад, упали, покатились под горку и через минуту были уже в пещере, изо всех сил толкая друг друга локтями и беззвучно хихикая.

К счастью, Святослав не заметил их отсутствия. Он уже был весь поглощен приемом Москвы. На этот раз ему необыкновенно повезло. Как только включилась антенна, он сразу же поймал Москву. Мало того, это была как раз вечерняя сводка Совинформбюро.

Только что заряженные аккумуляторы давали прекрасный, сильный ток, и слышимость была исключительная.

Святослав дернул колесико на полную громкость, и теперь голос Москвы гремел на всю пещеру. Диктор старался читать медленно, но, видимо, не мог совладать с волнением и выбрасывал слова с торжественной торопливостью.

Господи, что это были за слова! Волоколамск. Можайск. Истра. Волоколамское шоссе...

Святослав, припав всей грудью к земле, с трудом успевал записывать. А волшебные слова все гремели и гремели, наполняя подземелье эхом победы, величественными отзвуками разгрома немецкой армии под Москвой.

* * *

В эту ночь в подземном лагере никто не ложился спать.

Синичкин-Железный неутомимо, настойчиво, как дятел, стучал указательным пальцем по клавишам пишущей машинки, печатая сводку Совинформбюро, отредактированную лично Гавриком.

Но этого было недостаточно. Гаврик дал указание, чтобы сводку размножили не менее, чем в ста экземплярах, и теперь все подпольщики, кроме Серафима Тулякова, который находился на посту у входа «ежики», сидели вокруг «летучей мыши» за каменным столом заседаний и переписывали сводку. Кроме сводки, предстояло еще размножить листовку, над составлением которой трудился Гаврик.

(Окончание на 2-й стр.)

УЧЕБА МИЛЛИОНОВ

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель министра сельского хозяйства СССР тов. И. Борисов сообщил:

— Зимой прошлого года в кружках, на курсах и семинарах прошло учебу 3 миллиона 700 тысяч колхозников и колхозниц. Это не считая школ механизаторов и курсов при МТС, где подготовлены тысячи трактористов и других специалистов.

Плоды этой массовой учебы сказались в знаменательных итогах текущего сельскохозяйственного года.

В этом году Министерство сельского хозяйства СССР ставит в центр всей учебы колхозников изучение основ передовой сельскохозяйственной науки — науки Мичурина—Вильямса—Лысенко. Зимой колхозники будут усиленно изучать мичуринские методы переделки природы, травопольную систему земледелия, разработанную Вильямсом, теорию стадийного развития Т. Д. Лысенко, новые передовые агротехнические приемы.

В соответствии с новыми задачами колхозного обучения пересмотрены программы кружков и курсов по основам земледелия, животноводства, овощеводства. Программы издаются многотысячными тиражами.

Большое внимание будет уделено изучению опыта передовиков колхозного производства.

Новые интересные методы агроучебы выдвинуты еще в прошлом году лучшими колхозами. Большой популярностью, например, пользовались лекции и беседы передовиков. Так, в колхозах Днепропетровской области лауреат Сталинской премии Герой Социалистического Труда Марк Озерный читал лекции о том, как добиться высоких урожаев кукурузы. Во многих местах устраивали экскурсии колхозников в научно-исследовательские учреждения, в лучшие колхозы и совхозы, на участки мастеров высоких урожаев.

В Азербайджане организовали передвижную сельскохозяйственную выставку. Переезжая из села в село, она демонстрировала достижения лучших колхозов, бригад звеньев.

Все эти и многие другие формы передачи опыта еще более широко будут распространены в нынешнем году.

Министерство поручило всем специалистам сельского хозяйства в порядке их первоочередной служебной обязанности проводить в зимний период занятия колхозных кружков и курсов.

Активное участие в сельскохозяйственной учебе колхозников принимают многие научно-исследовательские учреждения, селекционные станции, опорные пункты, учебные заведения.

В заключение беседы тов. Борисов отметил, что в организации зимней учебы колхозников должны принять большое участие Комитеты по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик и Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Не может стоять в стороне от этого дела и Всесоюзный радиокомитет.

Наконец, большой счет у нас к Министерству кинематографии СССР. В прошлом году мало использовался имеющийся в наличии фонд сельскохозяйственных и научно-популярных фильмов. Даже такая ценная картина, как «Повесть о жизни растений» (по книге Тимирязева), почему-то почти не демонстрируется в деревне.

Зимняя агротехучеба помогает миллионам колхозников в борьбе за дальнейший расцвет социалистического земледелия.

Студенты 1948-49 учебного года

В Министерстве высшего образования СССР подведены итоги приема в высшие учебные заведения страны. На 182 тыс. вакантных мест к 1 августа было подано 262 тыс. заявлений.

В 1948 учебном году 15.800 юношей и девушек страны окончили школы рабочей молодежи, 80 процентов из них подали заявления в университеты и институты и успешно выдержали приемные испытания.

23 тыс. учащихся, окончивших среднюю школу с золотой медалью, и 438 человек, окончивших с золотой медалью школы рабочей молодежи, были зачислены в вузы РСФСР без экзаменов.

Подводя итоги приема в вузы, министр высшего образования предложил директорам учебных заведений обратить особое внимание на организацию учебной работы среди студентов первого курса по оказанию им повседневной помощи в учебе, не допуская отсева.

Всесоюзная школа музыкантов

В НАЦИОНАЛЬНЫХ СТУДИЯХ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

На-днях в Московскую государственную консерваторию из Киргизии, Башкирии и Северной Осетии прибыла группа молодых рабочих и колхозников. Все они зачислены студентами первого курса национальных студий консерватории. В числе первокурсников — певцы: рабочий К. Чодранов из Фрунзе, Д. Алсеитова из колхоза «Башкарасу» Кызыл-Аскерского района Киргизской ССР, Марат Байбурин и Раиса Галлямулина из Башкирии.

Первые национальные студии при Московской государственной консерватории — башкирская, казахская и татарская — были созданы в 1933 году. Теперь в консерватории семь национальных студий. На трех отделениях — вокальном, композиторском и дирижерском — занимается свыше ста человек. Среди них представители многих национальностей Советского Союза: узбеки и таджики, туркмены и киргизы, башкиры и татары, осетины и якуты, чуваши и буряты.

А. Джумахматов и Х. Аллануров в прошлом учебном году окончили дирижерский факультет. А. Джумахматов сейчас — дирижер оперного театра во Фрунзе. Его товарищ по факультету Х. Аллануров недавно дирижировал балетом Пуни «Конек-Горбунок», поставленным в Туркменском государственном театре оперы и балета.

Наряду с талантливой молодежью в студиях совершенствуют свое мастерство опытные певцы и композиторы. Здесь учатся: композитор народный артист СССР А. Малдыбаев, один из авторов музыки к драме «Аджал ордуна» и оперы «Манас», народная артистка Киргизской ССР певица С. Кинзбаева, народная артистка Узбекской ССР певица Ш. Рахимова.

На пятом курсе композиторского факультета занимается Самбин Гончик-Сумла — представитель дружественной Монгольской народной республики. Четыре года назад этот талантливый композитор и дирижер не знал нот. Ныне — он лауреат международного фестиваля демократической молодежи в Праге. Фортепианные произведения молодого композитора в исполнении профессора А. Гольденвейзера записаны на граммофонные пластинки.

Студенты композиторского факультета во время летних каникул выезжали в родные места, где записали много новых народных песен и мелодий.

Строители Запорожья обсуждают роман „Далеко от Москвы“

ЗАПОРОЖЬЕ. (Наш корр.). С живым интересом отнеслись строители металлургического гиганта на Днепре — рабочие и инженеры Запорожстроя — к роману Василия Ажаева «Далеко от Москвы», опубликованному в журнале «Новый мир». 20 октября партийная организация Запорожстроя совместно с редакцией «Литературной газеты» проведет читательскую конференцию, посвященную новому произведению, в котором показан героический труд советских строителей.

Для проведения подготовительной работы к конференции партком Запорожстроя выделил группу в составе зам. секретаря парткома Н. Удовиченко, редактора газеты «Строитель» И. Балаца и инженера А. Воронеля. Газета строительства помещает на своих страницах ряд отрывков из романа. При парткабинете организована консультация для читателей романа «Далеко от Москвы». Консультацию ведет критик И. Гринберг.

Заявление чехословацкой писательницы М. Пуймановой

После месячного пребывания в СССР в Прагу вылетела чехословацкая писательница Пуйманова.

М. Пуйманова посетила СССР по приглашению Союза советских писателей. Прощаясь с Советским Союзом, она оставила следующее заявление:

— После месячного пребывания в СССР я уезжаю в Прагу, восхищенная советским народом. Он с беспримерным мужеством боролся против немцев и изгнал их со своей земли и сейчас так же героически работает в дни мира, как сражался в годы войны.

В Ленинграде и Киеве я еще видела разрушения. Безумцы хотели погубить славянскую культуру. Это не удалось им, и сказочная быстрота, с которой народ залечивает свои раны, говорит о его высочайшей моральной силе. Нужно сказать во весь голос: советское правительство заботится не только о физическом благосостоянии своих граждан, но и воспитывает их дух. Это чувствуется на каждом шагу: в музеях, дворцах культуры, театрах, кино. Неустанное стремление укреплять чистый и светлый дух советского народа — самое прекрасное, что я здесь видела. СССР выиграл войну, выиграет и мир, несмотря ни на что. Я в этом уверена.

Я глубоко благодарна Союзу советских писателей за то, что он дал мне возможность своим приглашением ознакомиться с замечательной страной. Я уезжаю отсюда, полная веры и в великое будущее моей чехословацкой родины, тесно связанной своей судьбой с Советским Союзом.

Да здравствует созидательная работа наших братских стран!

У бюрократов—свой «сетчатый фильтр»...

◆ И. ХОХЛОВ ◆

Как борются советские люди за новое? Что оно приносит с собой? Какими путями оно распространяется повсеместно?

Федор Степанович Бояринцев кладет на стол испещренную формулами рукопись о трубчатых колодцах. И это деловое сочинение инженера проливает неожиданный свет на пути, ведущие в завтра.

Инженер Бояринцев работает в Кулунде. Злую шутку подшутила природа над этим краем. Равнодушно бегут на север сибирские реки Обь и Иртыш, омывая границы плодородных земель обширной равнины, с весны иссушаемой ветрами и выгорающей под солнцем. Так редки и нерегулярны здесь дожди, что обездоленная безводьем Кулунда не дает сегодня и малой доли возможных урожаев. Так обстоит дело и в Павлоградской—казахской Кулунде, и в Новосибирской, и в Алтайской, так обстоит дело и в Алейских степях. Кажется, все дано здесь природой для того, чтобы стал этот край новой и щедрой житницей страны. Одного не дано: влаги. Здесь скупы даже колодцы. Много сотен колодцев разбросано в степи, и все бедны водой.

— Положение ясное! — давно согласились гидротехники. Кулунду надо обводнить и оросить, направив сюда воды Оби и Иртыша.

Уже размечалась черновая трасса каналов оросительной системы, уже — для доклада правительству — подсчитывались потребные мощности насосных станций и об'ем земляных работ. Речь возникала о строительстве, которое требовало десятилетий и миллиардных затрат.

Было бы долго рассказывать здесь во всех подробностях о том, какую борьбу пришлось выдержать Бояринцеву, возглавившему на Алтае противников идеи строительства обско-иртышских каналов.

Было бы слишком долго рассказывать о том, какую помощь оказало Бояринцеву полученное из Москвы указание: искать источники орошения Кулунды на месте.

— Иртышская вода обошлась бы нам слишком дорого, — доказывал Бояринцев. — Доставка ее в степь тянулась бы слишком долго. Зачем же тратить годы на строительство многокилометровых каналов, когда вода для обводнения Кулунды имеется здесь же, в степи. Воды неисчерпаемой подземной реки сами рвутся из недр Кулунды на поверхность. Надо только немного помочь им, и степь будет обновлена и обводнена.

Много лет отдал Бояринцев, чтобы иметь право и основание утверждать все это.

***

Много ночей провел он в беседах по душам с буровыми мастерами, которые ободряли и поддерживали его, с техниками — знатоками колодезных тайн. Он изучил архивы чертежей всех колодцев Кулунды и всю литературу о ее водоснабжении. И это открыло ему глаза на то, как богата степь водой. Не просто было увидеть эту воду в степях, изнывавших от жажды.

Медленно преодолевая инженер и естествоиспытатель Бояринцев гипноз рутины. Учась у грунтоведов и гидрологов, обобщая опыт водоснабженцев и ирригаторов, вникая в работу специалистов по насосам и рабочих-бурильщиков, он старательно копил факты, кропотливо сводил их в систему, строил гипотезы и сам их разрушал. совершенствовал и отшлифовывал догадки. И он добился своего: он понял!

Все, что говорилось и писалось о бедности Кулунды водой, — самообман. Пятью безбрежными рукавами на пяти горизонтах разлита под всей степью живая подземная река, сбегающая с алтайских отрогов и хребтов Салаира. Предельно медленно течение этой невидимой полноводной реки. Дождевая капля, выпавшая в горах Алтая в год основания Москвы, проплывает сегодня в подземном потоке где-то в районе Славгорода, не дальше. Пятиярусная река ежегодно проносит под землей около трех миллиардов кубометров воды. Этой водой можно оросить почти миллион гектаров. Можно! Если суметь взять эту воду.

Каким путем?

...Трубы колодцев, опущенные в водоносные пласты, одеты в густые сетчатые фильтры. Эта галунная сетка должна препятствовать заносу песка в трубы колодцев. И она действительно не дает песку поступать в колодцы. Но она же—Бояринцев убедился в этом — не дает просачиваться в трубы и... воде!

Сетка, которую повсюду в мире надевают на трубы колодцев, оказалась не только фильтром, очищающим воду, но и пробкой, затыкающей водные источники. Но ведь если убрать сетку, песок действительно забьет трубы? Конечно! Поэтому Бояринцев убрал медную сетку фильтра и заменил ее «посредником» из гравия или крупнозернистого песка, окружающего каркасную трубу с проволочной спиральной намоткой.

Точности ради следует отметить, что попытки заменить сетку гравием делались и раньше. Бояринцев осмыслил расчеты, заменил догадки инженерной математикой. И водные сокровища подземной Кулунды оказались открыты. Вода пошла в трубы колодцев так, что старые насосы захлебнулись, будучи не в силах поднять ее всю на поверхность.

***

Два года назад в колхозе имени Молотова, Ключевского района на Алтае, были построены первые два колодца системы Бояринцева. Специальная комиссия, обследовавшая их работу, засвидетельствовала, что количество получаемой воды увеличилось в 10 раз!

Эти выводы подтвердились вскоре на других колодцах, сооруженных вслед за двумя первыми. В прошлом году на Алтае было построено 17 колодцев Бояринцева. Многие из них дают больше десяти литров воды в секунду. Это почти сорок тысяч литров в час. Это миллион литров в сутки.

Особенно важно то, что для колодцев Бояринцева водоносными оказались и многие тонкозернистые, пылевидные пески, которые при сетчатых фильтрах считались практически безводными.

Каждому знакомо затертое литературное выражение: «затерявшийся в степи родник». Теперь, благодаря Бояринцеву, родники стали отыскиваться в степи на каждом шагу. И самые слабосильные движки, и допотопные приводы, не говоря уже о локомобилях, тракторах, электромоторах, поставленных над колодезной скважиной, превращают безводную вчера степь в орошаемый оазис. Двадцать, сорок, восемьдесят гектаров и больше способен оросить один колодец Бояринцева.

Делясь своими планами на 1948 год, колхозники Алтая писали весной товарищу Сталину: «Мы построим 250 трубчатых колодцев, много открытых водоемов, оросим свыше 20 тысяч гектаров земли».

Так начато преобразование Кулунды, в которое включились сотни колхозов.

***

Можно ли на этом ставить точку? Нет, это было бы ошибкой. Есть в деле Бояринцева одна сторона, о которой надо сказать особо.

Ничего удивительного нет в том, что сейчас колодцы на Алтае строятся с гравийными фильтрами. Но почему потребовалось в течение нескольких лет вести борьбу за это? Как могло случиться, что именно руководители краевой конторы Водстроя оказались чем-то вроде «сетчатого фильтра», который сдерживал живой родник творческих идей, внесенных Бояринцевым в производство?

Аппаратный «фильтр» проявил при этом такую «добросовестность», что крайком партии вынужден был отстранить от работы и управляющего краевой конторой С. Аптошкина, и главного инженера С. Федорина, и начальника отдела мелиорации Е. Ветлова. Руководителем краевого Водстроя был назначен сам Бояринцев.

После этого дело в крае пошло по-другому. Но тут выяснилось, что какие-то тугие «фильтры» имеются и в Министерстве сельского хозяйства СССР, где вопросами обводнения и ирригации ведает заместитель министра тов. В. Косов. В Главводхозах Союза и РСФСР отношение к гравийным фильтрам трудно определить иначе, как «очень любезный саботаж».

Заслуги Бояринцева торжественно отмечены специальным приказом по Министерству сельского хозяйства СССР. Но в то же время товарищи из министерства равнодушно наблюдают, как в сотнях колхозов богатой подземными водами Среднерусской возвышенности, где широко проводится сейчас орошение, тысячи, десятки тысяч людей по-старинке роют все те же траншеи и прокладывают километровые трубопроводы, убивают народные силы и средства на устройство дорогих насосных станций?

Кулундинские колхозы строят 250 новых трубчатых колодцев. Это отрадно. Но как же всерьез понять тов. Г. Шуткина из Главводхоза Министерства сельского хозяйства РСФСР? Чем он помог алтайским колхозам?

Бояринцев неопровержимо доказал безрассудность применения сетчатых фильтров, которые вредны еще и потому, что вызывают электрохимическую коррозию. Бояринцев показал, как строить надежную и дающую во много раз больше воды систему фильтров. Казалось бы, надо немедленно покончить со старыми. Но для чего же тогда в Институте гидротехники и мелиорации и в Водгео Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии продолжают изучение старых фильтров, уже сданных жизнью в архив? Для чего печатаются книги, в сотый раз повторяющие старые и уже опровергнутые данные о сетчатых фильтрах?

Только на-днях Сельхозгиз выпустил из печати монографию инженера И. Грибанова «Трубчатые колодцы в сельском хозяйстве», в которой ни слова нет об опыте алтайских колхозов, о Бояринцеве. Почему в том же Сельхозгизе издание книги о Бояринцеве отложили на будущий год?

— Товарищ новатор, встаньте в очередь! — сказали ему любезно.

Преимущества новых колодцев на водоснабжении и орошении доказаны. Шутка ли: один колодец заменяет десять! Но почему до сих пор проходит мимо этого события Трансводстрой, обслуживающий железные дороги? Почему Министерство путей сообщения не заинтересовалось (или не знает о них?) работами Бояринцева, которые по-новому ставят теперь, в частности, такой важный для железнодорожного транспорта вопрос, как оценка «безводных» направлений? Почему в Министерствах нефтяной промышленности до сих пор не задумались над тем, как использовать идеи Бояринцева? Чего ждут в Министерствах угольной промышленности? Проблема касается буквально всех отраслей народного хозяйства. Неужели же везде требуется директива?

Дело Бояринцева и само начинает уже выходить за пределы края, за межу сельского хозяйства. Везде есть люди, живущие будущим, дышащие чувством нового, дорожащие временем страны. Это они выстроили первый заводской колодец Бояринцева в Дмитровском районе под Москвой. Это они строят первые колодцы Бояринцева в колхозах Курской области.

Народ услышал о замечательном успехе советской гидротехники. И народ не даст похоронить новую идею, которая должна быть как можно быстрее и как можно шире использована.

Так оно и будет, вопреки всем и всему, что стоит на пути нового и творческого, неуклонно побеждающего в нашей жизни.

НОВЫЕ ДНЕПРОГЭСЫ

В кабинете управляющего Гидроэнергопроектом Министерства электростанций СССР, инженера А. Н. Вознесенского висит огромная светящаяся карта электрификации СССР. В ярком созвездии уже действующих и строящихся гидростанций едва мерцают три чуть заметных огонька. Это те три гидростанции, мощностью несколько выше 1.000 киловатт каждая, которые достались нам в наследство от дореволюционной России.

До Октябрьской революции гидроэнергетические ресурсы нашей страны исчислялись лишь 15 миллионами киловатт. Советские ученые установили, что среднегодовой запас водной энергии 1.500 наиболее крупных рек СССР превышает 300 миллионов киловатт. Теоретически возможное у нас годовое производство гидроэлектроэнергии в пять раз превосходит предвоенную годовую выработку всех электростанций мира.

—Мощность всех советских электростанций к концу послевоенной пятилетки,—заявил в беседе с нашим корреспондентом тов. Вознесенский, — составит тринадцать «планов ГОЭЛРО»!

В законе о пятилетнем плане записано, что рост мощностей электростанций должен опережать восстановление и развитие других отраслей. Особое внимание уделено развитию гидроэнергетики. Общая мощность гидростанций, намеченных к введению до конца 1950 года, должна составить 2.300 тысяч киловатт.

Возможности применения электричества у нас в стране безграничны. Электротехнология внедряется в металлургию, производство легких и цветных металлов, специальных сортов стали, в металлообработку, химию. Электрифицируется транспорт. Электричество проникает в самые отдаленные уголки территории СССР. Все дальше продвигаются границы применения электричества в нашем быту, культурном строительстве, в радиосвязи, телевидении, радиолокации, управлении механизмами и т. д.

В послевоенном пятилетии строительство новых районных гидроэлектростанций предусмотрено во всех союзных республиках и важнейших экономических районах Советского Союза. Наиболее крупные работы ведутся в РСФСР, на Украине, в Грузии, Узбекистане, Азербайджане, Казахстане, Армении, Карело-Финской ССР и Таджикистане. В числе этих новостроек— Горьковская ГЭС — четвертая по счету станция Волжского каскада (три уже эксплоатируются). Она призвана устранить разрыв между мощностями существующих станций и потребностью в электроэнергии центральных промышленных районов, в том числе и Москвы. Строительство Горьковской ГЭС началось в 1948 году.

Энергетическое освоение Волги не остановится на Горьковской ГЭС. На очереди — строительство Верхневолжских и Чебоксарской гидроэлектростанций и, наконец, крупнейшей в мире — Куйбышевской ГЭС. Эта, наиболее крупная из строек будущих пятилеток, по своей мощности более чем в пять раз превзойдет Днепрогэс.

Камская ГЭС, где уже развернулись строительные работы, призвана радикально улучшить энергетику Урала. Это одна из сложнейших и интереснейших в техническом отношении строек послевоенной пятилетки. Ее машинный зал будет размещен в бетонном теле плотины. Это смелое и беспрецедентное в мировой гидротехнической практике конструктивное решение инженера, профессора Б. К. Александрова позволит значительно сократить сроки строительства и снизить об'ем бетонных работ. На Каме в дальнейшем намечается строительство еще двух мощных гидростанций.

Мингечаурская ГЭС на реке Куре разрешает целый комплекс важных народнохозяйственных проблем. Она обеспечит электроэнергией Баку и другие промышленные районы Азербайджана, поможет оросить свыше миллиона гектаров Кура-Араксинской низменности.

Крупнейшая в Армении Гюмушская ГЭС — самая мощная из семи станций знаменитого Севанского каскада. Первая из них — Канакирская—уже эксплоатируется, строительство второй—Озерной—заканчивается; началось сооружение Гюмушской ГЭС. Дешевая и обильная энергия Севанского каскада послужит источником невиданного расцвета индустрии Армении.

Усть-Каменогорская ГЭС, заложенная на берегах Иртыша, уже снискала в народе название «Днепрострой Казахстана». Она сыграет для этих мест ту же колоссальную роль, какую выполняет Днепрогэс на Украине.

— Сейчас, когда развертывается строительство гидростанций послевоенной пятилетки, по рекам страны, по таежным тропам и горным перевалам движутся участники 155 наших экспедиций, — продолжает тов. Вознесенский. — Они собирают материалы для планирования и проектирования будущих электростанций.

Инженеры изучают не только запасы водной энергии, но и недра земли, ибо нельзя планировать создание мощных энергетических центров без учета направления развития этих районов. Уже теперь проектируются станции, которые должны строиться в ближайшие три-четыре пятилетки.

Наши ученые, упорно изучая проблему Ангары, по существу, заново открыли Восточную Сибирь как край, исключительно богатый сырьевыми ресурсами. На основе этих природных богатств и гидроэнергии реки Ангары разработан проект огромного Ангарского комплекса. Первым его звеном являются Иркутская ГЭС на Ангаре и группа связанных с ней предприятий электроемких отраслей промышленности.

Ангарский каскад проектируется в составе шести гидростанций общей мощностью 9 миллионов киловатт. Это почти 15 Днепрогэсов!

— Многолетние проектно-изыскательские работы, — говорит тов. Вознесенский, — открывают возможность сооружения в различных районах СССР 1.745 гидроэлектрических станций общей мощностью около 100 миллионов киловатт, со среднегодовой выработкой 550 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это без учета 18 тысяч гидроэлектростанций малой мощности, предназначенных для электрификации сельского хозяйства. По плану послевоенной пятилетки общая мощность малых гидростанций должна составить 1 миллион киловатт, и сейчас разрабатываются их типовые проекты.

Работа электростанций полностью автоматизируется. С переводом на автоматику машинные залы станций, работающие полным ходом, можно закрыть на замок, потому что людям там делать будет нечего. Первая в СССР автоматизированная ГЭС—Ереванская № 2—работает таким образом уже с 1932 года, изредка посещаемая монтером для осмотра.

Советские энергетики доказали свою творческую зрелость возведением многих уникальных сооружений. Выросли многочисленные кадры специалистов, овладевших современной техникой проектирования, изысканий и строительства.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Карусель непорядков

Крупнейший в Советском Союзе кубанский завод карусельных станков оснащен великолепной техникой. В его цехи непрерывно поступает новое оборудование. На заводе есть замечательные новаторы, скоростники — мастера и рабочие, многие из которых уже выполнили по пять годовых норм. И тем не менее завод работает плохо, систематически не выполняет программы.

Чтобы помочь заводу преодолеть трудности, оргбюро Краснодарского отделения Союза советских писателей СССР направило к кубанским станкостроителям бригаду писателей. Безрадостная картина предстала глазам участников бригады. Громадная заводская территория захламлена. Ценнейшее оборудование свалено под открытым небом и ржавеет. Основные цехи, особенно литейный, выпускают сплошной брак. Стремление передовых инженеров и рабочих покончить с этими безобразиями не встречает поддержки у руководства.

Недостатки, вскрытые бригадой на заводе, были широко освещены в краевой газете «Советская Кубань». Бригада писателей, на основе требований передовых людей производства, развернула перед руководством программу конкретных мероприятий, осуществление которых должно было способствовать под'ему производительности труда, снижению брака.

Прошло четыре месяца после опубликования статьи, а директор завода ничего не сделал, чтобы устранить неполадки. Территория завода попрежнему захламлена. Оборудование гибнет под открытым небом. В цехах царит кустарщина. Во время пребывания бригады на заводе здесь начало развиваться движение стахановцев за широкое применение методов скоростной обработки деталей, предложенных начальником инструментального цеха коммунистом Попелевым. Но движение это замерло.

Директор Прохоров — человек, совершенно оторвавшийся от действительности и не выносящий критики, подавляет все творческие начинания на заводе, отмахивается от всех ценных предложений инженеров и стахановцев.

— Некогда мне заниматься вашими предложениями, — говорит он, — план я должен выполнять.

На партийных собраниях он равнодушно выслушивает критику со стороны коммунистов. Иногда признает кое-какие свои ошибки, но после собрания все идет постарому.

Как быть дальше? Директор завода явно не желает считаться с голосом общественности, со справедливой критикой. Мы считаем, что министру станкостроения тов. Ефремову следует заинтересоваться положением на крупнейшем заводе карусельных станков.

Бригада оргбюро Краснодарского отделения Союза советских писателей: П. ШУРЫГИН, А. РУММЕР, Е. КИРЛИАН, С. БОРОДИН.

«Мелочь», стоящая миллионы

Ежегодно в нашей стране расходуется около 60 тысяч тонн обтирочного материала стоимостью, примерно, в 400 миллионов рублей. Между тем есть реальная возможность резко сократить эти огромные затраты.

— Обтирочные материалы,—пишет нам инженер Л. Мацкин, — применяющиеся для протирки станков, машин, двигателей, готовых изделий, для набивки вагонных букс и т. д., как правило, после первого же использования выбрасываются, хотя их легко восстановить и вновь пустить в дело.

В годы Отечественной войны, когда ощущалась острая нехватка обтирки, инженер А. Брик разработал метод ее регенерации. Он применялся на многих оборонных заводах и целиком себя оправдал. Метод этот чрезвычайно простой и позволяет использовать одну и ту же обтирку не менее 10 раз. При регенерации из обтирочных материалов выжимается также большое количество смазочных масел.

Но сейчас обо всем этом почему-то забыли. Необходимо широко организовать регенерацию обтирочных материалов. «Союзутиль» Министерства легкой промышленности и «Утильсоюз» Промкооперации должны организовать сбор использованных обтирочных материалов и их восстановление. Необходимо издать специальное постановление, запрещающее хозяйственникам выбрасывать использованную обтирку. Это позволит сэкономить десятки миллионов рублей.

Застрявшие грузы

Во Владивостокском порту скопилось более 2.000 тонн важнейших грузов, предназначенных для бумажных комбинатов. Грузы длительное время лежат на складах и не отправляются к месту назначения исключительно по вине управления пароходства. Несмотря на многократные обращения, пароходство отказывает в предоставлении тоннажа. Дальнейшая задержка грузов угрожает нормальной работе бумажных комбинатов. Необходимо вмешательство Министерства морского флота СССР.

Уполномоченный Главбумснаба ПАНИН

38 миллионов рублей сверхплановых накоплений

Воодушевленные патриотическим почином московских заводов и фабрик, начавших поход за сверхплановые накопления, коллективы 39 столичных издательств и полиграфических предприятий дадут государству в текущем году 38,29 миллиона рублей сверхплановых накоплений.

5 миллионов рублей даст Всесоюзное издательско-полиграфическое об'единение и типографии МПС — «Трансжелдориздат», 4,5 миллиона рублей издательство «Советский писатель», 3,5 миллиона рублей. Военное издательство и типографии, 2,1 миллиона рублей Научно-техническое издательство машиностроительной литературы — Машгиз, 2,092 миллиона рублей издательство и типография «Молодая гвардия», 2 миллиона рублей Госэнергоиздат, 1,8 миллиона рублей издательство «Искусство».

Девять издательств и типографий дадут до конца нынешнего года от 1,5 до 1 миллиона рублей сверхплановых накоплений.

Счастливое видение

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Все хорошо понимали, что терять время нельзя и что надо торопиться по горячим следам победы.

Было совсем не так просто и не так легко, — при слабом освещении, на плохой бумаге, озябшими руками, — за одну ночь изготовить сто сводок и сто листовок. Но все чувствовали такой душевный под'ем, такую радость, всем доставляло такое наслаждение собственноручно писать на бумаге слова так страстно ожидавшейся и, наконец, наступившей победы, что в эту ночь никто не чувствовал ни усталости, ни холодной сырости, ни голода.

Все были охвачены одним порывом и весело переговаривались между собой, обсуждая подробности сводки.

Даже Синичкин-Железный, обычно молчаливый и нелюдимый, подняв согнутый указательный палец над клавишами, вдруг иногда задерживал его на некоторое время в воздухе и, поглядев вокруг исподлобья, говорил:

«Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине». Так оценивал товарищ Сталин обстановку в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году, когда в первый раз к нам полезли немцы. И сейчас, когда на Советский Союз вторично полезли немцы, мы можем повторить те же слова — против иноземного ига, идущего с Запада, весь советский народ подымает освободительную отечественную войну. Подчеркиваю — освободительную!

Синичкин-Железный еще выше поднял свой черный указательный палец.

— Освободительную! А когда весь народ поднимается на освободительную, отечественную войну, — тогда горе врагу! Горе!

И, помолчав некоторое время и гулко покашляв, Синичкин-Железный снова неторопливо, настойчиво ударил указательным пальцем по заржавленному клавишу.

Но кто особенно торжествовал, так это Петя.

Кроме того, что он разделял общий под'ем духа, у него была еще одна, особая причина чувствовать себя именинником. Среди всех других он был единственный коренной москвич. Великая победа под Москвой, под его родным городом, как бы подняла его в собственных глазах. Он смотрел победителем. Он вдруг стал центром общественного внимания. И в этом не было ничего удивительного. Ведь только для него одного все эти среднерусские названия — Волоколамск, Можайск, Истра, Химки, Звенигород—были хорошо знакомые подмосковные места, в которых он неоднократно бывал.

Он сделался единственным знатоком и специалистом по Москве и Московской области. То и дело к нему обращались за всевозможными справками, и он их давал очень солидно, обстоятельно, со сдержанной скромностью.

— Слышь, Петя, — спрашивал Леонид Цимбал, отрываясь от переписки. — Эта самая Истра, сколько она километров от Москвы?

— Видишь ли, — отвечал Петя, — как бы вам об'яснить. Если по прямой линии, то определенно не скажу, надо посмотреть по карте. А если по Волоколамскому шоссе, то на машине минут пятьдесят-пятьдесят пять. А, может быть, немного побольше. Зависит от машины. Мы один раз с папой ездили в Истру на эмке и доехали за час пятнадцать минут. Видите. Я думаю, километров сорок пятьшестьдесят.

— И ты там был?

— Ну, да. Я же вам об'ясняю.

— Что ты говоришь! — воскликнул Леня Цимбал, сверкая жаркими каштановыми глазами. — Был в Истре?

— Конечно. Несколько раз, — скромно улыбаясь, говорил Петя.

— Красивое место?

— Одно из лучших под Москвой. Такой, знаете ли, маленький провинциальный городок, весь в зелени. Там одно время жил Чехов. Мы с папой посетили его домик.

— Можете себе представить, что эти гады дотла спалили такой красивый городок!

— В сводке есть, что немцы взорвали Ново-Иерусалимский монастырь, — заметила Матрена Терентьевна. — Петичка, а Ново-Иерусалимский монастырь ты тоже видел?

— Конечно. Мы осматривали.

— Красивый?

— Не знаю. Как на чей вкус. Лично мне очень понравился.

— Старый?

— Как вам сказать. Я думаю, века шестнадцатого-семнадцатого.

— Взорвали, — вздохнула Матрена Терентьевна. — Такой красоты не пожалели! Что ж: варвары. Цивилизованные бандиты.

Петя смотрел широко открытыми глазами и видел сожженную Истру и взорванный монастырь. Почему-то ему представлялась дымная, лунная ночь, мерцающие снега и маленький домик Чехова, охваченный со всех сторон шатающимися красными и черными столбами дыма и огня, которые борются над рухнувшей крышей, как два духа—один злой, а другой добрый. И представлялись ему синие немецкие трупы с глазными впадинами, в которых блестит лед, красный от пожара, и сугробы, из которых торчат брошенные немецкие пушки, а по небу стремительно мчится радужная морозная луна, то погасая, то загораясь ярким фосфором, и сквозь нее проносится, развеваясь гривами, башлыками и бурками, призрачная конница полночных облаков.

— Он видел товарища Сталина, — гордо сказала Валентина. — Петя, расскажи, как ты видел товарища Сталина.

— Ну, я был тогда совсем маленький,— скромно улыбнулся Петя, опуская ресницы.

Он залился румянцем, чувствуя, как все глаза обратились к нему.

— Все равно, ты расскажи, — настойчиво сказала Валентина.

— Ну, я был тогда совсем маленький, и папа достал пропуск на Красную площадь и взял меня с собой на первомайский парад. Там, знаете, по обе стороны мавзолея есть трибуны. Правая трибуна и левая трибуна. Мы были на правой трибуне. Это, понимаете, как раз со стороны Спасской башни. Папа меня посадил на плечи и держал за ноги, и я все прекрасно видел. Товарищ Сталин прошел совсем близко. До товарища Сталина было столько, сколько сейчас от меня до вас, дядя Гаврик, — сказал Петя, все больше и больше воодушевляясь. — Ну, может быть, немножко дальше. Но все равно, мы видели товарища Сталина, как я вижу вас. Он был весь в белом и в черных сапогах. Мы аплодировали, кричали ура, все бросились к парапету, и я бросился, то-есть, папа бросился вместе со мной, а товарищ Сталин посмотрел на нас, улыбнулся и поднял руку к козырьку.

Петя был уверен, что товарищ Сталин улыбнулся именно ему, но скромность не позволяла сказать об этом прямо, и мальчик, еще больше заливаясь румянцем, повторил:

— Товарищ Сталин улыбнулся нам всем. И погода, знаете, была, как нарочно, —ни одного облачка. Папа даже пожалел, что на меня надели пальто, потому что было совсем жарко, как летом. Свободно можно было итти на площадь без пальто. Другие дети почти все без пальто. Исключительная погода.

— И больше ты его уже не видел? — спросила Матрена Терентьевна.

—Ну, как же! Все время видел. В томто и дело. Он все время стоял на мавзолее, и я его все время видел. И все его видели. Весь народ. Вся Красная площадь двигалась мимо него, знаете, как сплошной живой сад, весь в цветах, в букетах, в лентах. А он все время щурился на солнце, смеялся и подымал руку. И все к нему протягивали цветы и выпускали в воздух шарики. У меня тоже был воздушный шарик — красный с золотым петушком, — и я его тоже выпустил. И все шары летели высоко над Красной площадью. И мой шарик тоже летел. Совершенно, знаете, прозрачный на солнце, как клюквочка.

Петя замолчал, не зная, что еще прибавить, весь переполненный воспоминанием об этом незабываемом, счастливейшем дне его детства.

Все долго молчали. Даже Синичкин-Железный перестал стучать по клавишам. Было очень тихо. Лишь изредка слышался слабый звук упавшей капли или проворный шорох полевой мыши.

У всех перед глазами так ярко стояла живая, сияющая картина Красной площади и товарища Сталина с поднятой рукой на крыле мавзолея — счастливое видение мирной советской жизни.

Но вокруг были все те же низкие подземные своды, слабо озаренные одиноким фонарем. Наверху, по истерзанной советской земле, ходили враги. Казалось даже, что над головой слышатся их грубые шаги. Зловещие, непроницаемые тени гнездились во всех углах, и недобрая подземная тьма тесно окружала лагерь, каждую минуту готовая выступить из коридоров, броситься и поглотить маленький отряд Гаврика.

И невольно все глаза медленно повернулись к неровной каменной стене, где рядом висели два портрета — Ленина и Сталина.

Но нет, это не были портреты.

Тонко высмугленные золотистым отсветом фонаря, они смотрели так живо, так одухотворенно. Движение глубокой, страстной человеческой мысли как бы мерцало и струилось в этих прищуренных глазах, устремленных в будущее. Печать несокрушимой силы и железной воли лежала на прекрасном ленинском лбу и на рыцарски-прямых, благородных чертах Сталина. И вместе с тем столько неотразимой земной простоты, покоряющей земной правды было в этих родных лицах, что, казалось, сам подземный мрак редел и отступал перед скрытой силой их ясного, испепеляющего света.

Знамя комсомольской славы

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Среди героических образов нашей литературы есть один, — не стареющий и не меркнущий со временем, вот уже в течение шестнадцати лет неизменно волнующий и покоряющий сердца молодых читателей. Я говорю о Павке Корчагине — представителе первого поколения комсомола, сыне могучего рабочего племени, уверенно идущем в своей старой куртке и потертой рабочей кепочке сквозь ветер и огонь гражданской войны навстречу испытаниям и трудностям первых лет советской власти.

Павлу Корчагину давно уже посчастливилось перешагнуть через страницы книг и пройти по нашей земле, наставляя одних и помогая другим в самую трудную минуту. Не в одном холщевом солдатском мешке в годы недавней войны можно было найти зачитанную до дыр книжку Николая Островского. В школьной тетрадке черноглазого молодогвардейца Жоры Арутюнянца встречаются такие восторженные строки: «Н. Островский. Как закалялась сталь. Вот здорово». Нелегко живется маленькой Тане из романа Веры Пановой «Кружилиха», эвакуированной вместе с матерью из голодного, оледенелого, блокадного Ленинграда. Вдали от родного города, как с верным другом, советуется она с Павликом Корчагиным: «Таня дочитала книгу, закрыла ее, закрыла глаза и положила щеку на переплет. «Как закалялась сталь» было написано на переплете. На щеках Тани, под ресницами блестели слезы...» А простреленные пулями и пробитые осколками снарядов листки этой книги, ставшие достоянием музеев, говорят сами за себя. И так повсюду — в литературе и в жизни, в каждом доме и в каждом юном читательском сердце образ молодого шепетовского паренька становится мерилом всех дел и поступков, судьей всех ошибок и просчетов, примером мужества, благородства и верности делу партии и народа.

Рано пришлось испытать Павлу лишения и невзгоды, рано в жизни узнал он тягость нужды и цену оружия. В суровое, грозовое время пришел Корчагин в ряды ленинского комсомола, его комсомольский билет носит еще короткий трехзначный номер — 967. «Его называли орленком в отряде», — любил часто напевать Николай Островский. «Орленок» — точнее нельзя назвать этого ясноглазого паренька, рожденного бурей, крещенного огнем, воспитанного в тяжелой школе жизни. Четырежды глядел в глаза смерти комсомолец Павка Корчагин — падал, раненный на поле боя, метался в тифу, ожидал расстрела в глухом петлюровском застенке, умирал в фронтовом лазарете; он «вырастал в страданиях и невзгодах», — так говорит о нем сам писатель, настолько близкий к своему герою, что иногда просто трудно отличить их друг от друга.

Трудностей, которые выпали на долю Павла, хватило бы на троих. Его несгибаемая воля, выносливость и умение перетерпеть любую боль и страдание удивляют хирургов и сестер в военном госпитале. «Если Корчагин стонет, значит потерял сознание», — записывает в своем дневнике молодой врач, наблюдающий раненого конармейца. Неукротимая и пламенная верность идее коммунизма помогает ему быть стойким в беде и верить в будущее. Если есть у человека мечта и цель в жизни, тогда ему уже ничего не страшно. «Есть для чего жить на свете! Ну разве я мог в такое время умереть!» — восторженно говорит Корчагин, после продолжительной болезни снова встречаясь со своими друзьями.

Там, где затевается что-то новое, где люди упорно бьются за правду, за будущее, где нужно, позабыв о себе, помочь товарищу, где требуется первым пройти по неразведанной дороге, где нужно штурмом взять высоту или проложить новую тропу, — там всегда ищите Павла Корчагина, человека, для которого вне работы нет счастья на земле. Когда он хворает и вынужден улечься в кровать, ему кажется, что стоит только снова приняться за какое-то настоящее дело, — и утраченные силы вернутся к нему. Вот уже мучительный недуг окончательно свалил Павла и надавил коленкой на грудь, но и тогда он не желает сдаться, смириться, отступить перед ним. «Неужели ты можешь подумать, Аким, — яростно восклицает Павел, — что жизнь загонит меня в угол и раздавит в лепешку? Пока у меня здесь стучит сердце, пока стучит, меня от партии не оторвать. Из строя меня выведет только смерть». Олег Кошевой, или Саша Матросов, или любой другой молодой солдат Отечественной войны смело могли бы подписаться под этими словами. Я не знаю — читал ли чешский журналист Юлиус Фучик книжку Николая Островского, но во всем его поведении перед лицом врага, в его воле и непреклонности, в его цепкости за жизнь, в его работе над посмертной книгой, написанной в тюрьме, было что-то корчагинское.

Широкий круг вопросов и идей, легших в основу книги Островского, помог ей стать любимой настольной книгой советской молодежи. Есть книги, знакомство с которыми в юности производит на всю жизнь неизгладимое впечатление, как окончание школы или встреча с другом. К таким книгам относится роман о Корчагине. На многие думы и тревоги находит здесь читатель мужественное решение и дружеский совет. Смелости в бою и выносливости в труде, верности в любви и искренности в дружбе учит нас судьба маленького кухонного чернорабочего из вокзального буфета на пограничной станции Шепетовка.

Скромный и простой человек, окрыленный мечтой и вооруженный идеей коммунизма, становится в десять раз сильнее. Нет выше счастья на свете, чем найти свое место в схватке и знать, что на широком багряном полотнище знамени революции есть и твоя капля крови, — эта мысль в разных вариантах многократно повторяется на страницах романа. Павел настойчиво требует от себя и от других подвижнического служения революции и подчинения ей всех своих личных дел, забот и переживаний. Совершая тот или иной поступок, Павел никогда не рассчитывает, будет ли это выгодно лично для него, — он думает о благе народа, о революции, он — ее солдат и рабочий, ее воин и слуга. Недаром он читает бойцам на привале при тусклом свете костра своего любимого «Овода» и с полным правом заявляет: «Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим».

В одной из своих статей, посвященной памяти товарища Г. Телия, товарищ Сталин перечислял черты, свойственные характеру коммуниста: «жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила», — и еще несколько ниже: «Телия знал роковое состояние своего здоровья, но не это тревожило его. Его беспокоило лишь одно — «праздное сидение и бездействие». Эти сталинские слова можно полностью отнести к образу комсомольца Павла Корчагина. Герой Николая Островского не ищет укромного местечка в жизни. Не успев снять с себя кавалерийскую шинель, он уже заправляет строительством узкоколейки, связывающей город с топливной базой.

Снова и снова вчитываемся мы в литые строки Николая Островского, ставшие давно уже классическими: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Сколько ясных и чистых глаз вглядывались в эти строки, сколько сердец заставляли они биться чаще и горячее, скольким людям подсказали они направление на долгие годы вперед.

Писатель сумел правдиво и ярко показать отношения комсомола и партии, вдохновляющую и организующую роль партии во всех начинаниях и делах комсомольцев. Образы железного балтийского матроса Жухрая и властного, неутомимого предревкома Долинника окрашивают весь роман, многое предопределяя в жизни и судьбе Корчагина и его одногодков. Вспомните сцену, когда Федор Жухрай, вынужденный временно скрываться в подполье, сидит вечером у Корчагиных и рассказывает ребятам о своей жизни. Широко открытыми глазами смотрят ребята на этого большого и сильного человека. И Жухрай, чувствуя всю ответственность, которая в эти минуты ложится на его плечи, старается сказать им самое главное, — он говорит им о Ленине и большевиках, о своей жизни и их будущем.

Как живое, встает перед нами со страниц романа первое поколение советской молодежи — строгая и нежная Рита Устинович, отчаянный и горячий Сережка Брузжак, исполнительный Климка и скромная Валя, а за ними — вся наша юность первого призыва, веселая и шумная «комса» — в отцовских шинелях и выцветших кожанках, в сапогах и опорках, со звездочкой на фуражке и с пулеметной лентой через плечо.

Отшумела юность Павла, но уже ему на помощь поднимается новая цепь наступающих бойцов, — молодые люди тридцатых годов, основатели города Комсомольска, строители и прорабы первых сталинских пятилеток. Дует ледяной ветер над еще не застекленными каменными громадами Магнитки, а в ослепительном свете дуговых фонарей, обжигая на морозе руки, поднимается на леса новая трудовая смена. А там, дальше, за этими ночными огнями, за этой слепящей пургой подрастает и равняет строй третье поколение молодой гвардии — поколение войны и мира, славы и победы.

Из года в год тянутся звенья этой нерасторжимой цепи. Не случайно краснодонские подпольщики считали идеалом своих мечтаний во всем походить на Павлика Корчагина. Много в их судьбе было сходного, начиная с того часа, когда немецкие войска вступили в их родной город, и кончая самой смертью Вали и Розы, Снегурко и Степанова, когда они шли под ударами казачьих плетей и пели «Варшавянку». Их запев подхватили донецкие комсомольцы, когда их вели фашистские солдаты к глубокому стволу заброшенной шахты номер пять. Всем своим обликом Сережка Брузжак напоминает нам своего краснодонского тезку Сережу Тюленина. Это о них с отцовской нежностью говорит боевой командир полка Пузыревский из романа «Как закалялась сталь»: «Для них хорошее слово придумано — «молодая гвардия».

Только умолкли на земле орудия и развеялся пороховой дым, только братья Корчагины, как птенцы, слетелись в родимое гнездо, — и опять им надо начинать работу и раз'езжаться в разные стороны. «Что же вы делать теперь будете? — с тревогой спрашивает мать своих беспокойных питомцев. — Опять за подшипники примемся, мамаша!» — отвечает за обоих старшой.

Так и сегодня, возвратившись из боя, «принялась за подшипники» наша неутомимая молодежь.

Так тесно переплетаются судьбы поколения Павла Корчагина и Олега Кошевого, так, ни на миг не склоняясь, переходит из года в год, из рук в руки знамя комсомольской славы.

В ПРЕЗИДИУМЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

О журнале „Знамя"

Президиум правления Союза советских писателей СССР рассмотрел на своем заседании работу журнала «Знамя» в 1948 году.

С сообщением выступил член секретариата ССП Б. Горбатов. Он отметил, что в последнее время журнал «Знамя» допустил ряд грубых ошибок. За непродолжительный срок журнал напечатал неполноценные и порочные произведения: «На родине и чужбине» А. Твардовского, «Двое в степи» Э. Казакевича, «Редакция» Н. Мельникова, новеллы Ю. Яновского. Героями этих произведений являются ущербные, неполноценные люди. Редакция журнала предоставляла место стихам с декадентскими настроениями, печатала слабые, серые очерки, выступила с эстетской, снобистской статьей критика Рунина.

Серия ошибок говорит о том, что они не случайны, а являются следствием неправильной линии журнала, которую вела его редакционная коллегия.

Б. Горбатов отмечает, что Союз писателей во-время не сумел заметить ошибочной линии журнала, не обратил должного внимания на работу своего печатного органа, несмотря на то, что сигналы о неблагополучном состоянии журнала Союз писателей получал и от газеты «Культура и жизнь», и от «Литературной газеты».

Партия требует от писателей изображения правды жизни, учит видеть живое, главное, ведущее в нашей действительности. В то же время писатели должны смело и резко вскрывать пороки, недостатки в сознании людей. Воспитательная роль нашей литературы велика. Однако журнал «Знамя» не вскрывал пороки и недостатки людей, а поэтизировал их. Такое «поэтизирование» ущербных людей вызывало у читателей возмущение.

Журнал «Знамя» отказался от партийного творческого отношения к явлениям жизни.

«Теоретическая» позиция журнала была с предельной откровенностью сформулирована в статье П. Вершигоры «О «бывалых людях» и их критиках», опубликованной в журнале «Звезда». В этой статье, заканчивавшейся панегириком «Знамени», проповедуется подмена реалистического изображения жизни грубым натурализмом.

В журнале «Знамя» образовался некий салон эстетов, любителей мертвечинки. В результате писатели несли сюда свои худшие и в художественном и в идейном отношении вещи. Журнал стал прибежищем произведений с плесенью, с гнильцой.

Президиум Союза советских писателей считает, что в журнале создалось нетерпимое положение. Старые заслуги журнала и его редактора Вс. Вишневского не дают права не замечать их сегодняшних ошибок. В журнал должны притти новые люди, способные вывести его на правильную линию.

На заседании президиума выступили А. Софронов, А. Сурков, Е. Ковальчик, П. Вершигора, П. Антокольский, В. Кожевников, В. Инбер, заместитель генерального секретаря ССП СССР К. Симонов.

Они отметили, что ошибочная линия журнала могла проводиться только из-за групповщины и приятельских отношений, которые царили в редакции.

Вместе с тем, выступавшие говорили о том, что партийная печать и литературная критика во-время предостерегали об ошибках журнала. И то, что они не были тогда же ликвидированы, свидетельствует о недостаточно внимательном отношении к критике со стороны Союза писателей.

Выступление П. Вершигоры свидетельствовало о том, что он не до конца понял значение своей грубо-ошибочной статьи.

В заключительной речи К. Симонов сказал, что писателям и руководителям журналов прежде всего должны быть дороги судьбы журнала, как воспитателя масс. Работу журнала «Знамя» надо резко перестроить. Редактор и члены редколлегии являлись в журнале, как это ни странно, второстепенными лицами. Судьбу материала, помещаемого в журнале, вершили почти исключительно работники аппарата.

Президиум в своем постановлении отметил, что редакция журнала «Знамя» в текущем году работала недопустимо плохо, печатала на страницах журнала гнилые, декадентские произведения, редактор журнала Вс. Вишневский не сумел возглавить журнал. Секретариату поручено укрепить состав редколлегии журнала «Знамя».

ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Доклад академика Т. Д. Лысенко о положении в биологической науке и решения сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина явились исторической вехой на пути развития не только биологии, но и других отраслей советской науки.

Два дня продолжалось партийное собрание на филологическом факультете Московского государственного университета, посвященное итогам сессии ВАСХНИЛ.

— Вейсманисты-морганисты пытались создать в Московском университете оплот реакционной лженауки, — сказал в своем докладе секретарь партийного бюро доц. Е. Ухалов.

Партком и ректорат МГУ проглядели вредную, антинародную деятельность прежнего руководства биологического факультета.

Надо сказать, что реакционное, лженаучное направление нашло себе место и на других факультетах университета и, в частности, на филологическом.

В нашей филологической науке существуют два течения, которые борются между собой. В первую очередь это относится к лингвистике, где четко обозначилось материалистическое, прогрессивное учение о языке, созданное академиком Н. Я. Марром и развитое в трудах дважды лауреата Сталинской премии академика И. И. Мещанинова, и враждебное марксизму направление, ведущее свое происхождение от либерально-буржуазной школы Фортунатова, Шахматова, Бодуэна де Куртене и находящееся в тесной связи с современной западной лингвистикой.

В свое время академик В. В. Виноградов, после справедливой критики «Литературной газеты», признал свои ошибки, но сделал это формально и неискренне. Руководимая им кафедра русского языка по-прежнему игнорирует учение академика Марра. В программах имя Марра даже не упоминается. Курса истории русского языка, разработанного на основе марксистско-ленинской методологии, до сих пор нет. Студентам все еще преподносится старая буржуазная лженаука. Вытаскивается на свет разоблаченная «теория праязыка».

Лингвистическая секция ученого совета и ныне возглавляется воинствующим формалистом проф. М. Петерсоном. Работа кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков, которой он руководит, основана на пресловутом компаративистском методе. Проф. Петерсон в своих статьях пытается доказать, что «изучение живых языков приводит к необходимости применения сравнительного метода». Эклектически об'единяет советскую науку с мнимыми «достижениями» буржуазной лингвистики и проф. Р. Аванесов.

Докладчик отметил, что и в литературоведении возрождаются буржуазно-либеральные взгляды. Проф. Г. Поспелов, стремясь в своих лекциях оправдать Веселовского, отступал от принципа партийности в оценке культурного наследия, не разоблачал реакционные идеи Достоевского.

Проникнута буржуазным об'ективизмом хрестоматия по немецкой литературе, которую редактировал доц. Л. Пинский. В нее включены произведения реакционных романтиков без всякой критической оценки.

На кафедрах и на ученом совете не изжита круговая порука, нежелание бороться с вредными концепциями. Лишь вмешательство партийной организации помогло исправить линию, неправильно занятую ученым советом в связи со справедливо раскритикованными в свое время «Литературной газетой» программами по фольклору, составленными проф. П. Богатыревым.

После доклада Е. Ухалова развернулись оживленные прения.

Вновь назначенный декан факультета проф. Н. Чемоданов отметил вредную, антимарксистскую деятельность профессора М. Петерсона, который не только идеализировал неприемлемую для нас концепцию Фортунатова, но и «подкреплял» его авторитет ссылками на фашистского лингвиста Гирта, награжденного Гитлером. Образец неприкрытого формализма — книга профессоров Петерсона и Ганшиной о современном французском языке.

Проф. Чемоданов указал, что академик Виноградов не сделал выводов из критики его работ на страницах «Литературной газеты». Об этом красноречиво свидетельствует его космополитическая аннотация к «Введению в синтаксис русского литературного языка», в которой он пытается рассматривать явления русского языка на фоне эволюции западноевропейских языков. Об этом же говорил и проф. Т. Ломтев.

В последней своей работе «О русском литературном языке в исследованиях Шахматова» академик Виноградов, по сути дела, отказывается от материалистической теории языка, призывая «будущие ученые поколения... итти по стопам Шахматова».

Преподаватель М. Функ подверг убедительной критике буржуазно-об'ективистские ошибки кафедры западноевропейского искусства и ее заведующего профессора Б. Виппера.

Секретарь комитета комсомола студент Б. Стахеев отметил, что принцип партийности еще не стал идейной основой курсов по истории литературы. Так, проф. Г. Поспелов в своем курсе совершенно игнорирует советскую литературу. Лекции доц. А. Алпатова о русской литературе XIX века эмпиричны, не содержат классового анализа литературных явлений.

В принятой резолюции партийное собрание наметило конкретные меры по перестройке всей работы факультета, по укреплению кафедр лингвистики сторонниками нового учения о языке, по пересмотру учебных програм и научно-исследовательских планов.

Перед закрытием было оглашено заявление проф. Г. Поспелова, признавшего ошибочность ряда своих выступлений.

Собрание обязало всех коммунистов повести решительную борьбу с формализмом и буржуазным либерализмом, за большевистскую партийность в филологической науке.

С. МАРШАК

ТАЛАНТЫ БУДУЩЕГО

> 9 октября открылась третья Всесоюзная выставка детского изобразительного творчества. Выставка организована отделом пионеров ЦК ВЛКСМ и посвящена тридцатилетию комсомола. В выставочном зале Союза советских художников собрано 562 экспоната — произведения детей шестнадцати союзных республик. Выставка пользуется большим успехом у зрителей.

Это уже не первая выставка детских художественных работ в Москве. Мы снова в гостях у детей нашей страны — у маленьких москвичей, ленинградцев, белоруссов, украинцев, казахов, узбеков, латышей и других. Словом, у детей чуть не всего Союза. Но, пожалуй, выставка нынешнего года превзошла все предыдущие своей содержательностью. Умелые и чуткие организаторы ее бережно отобрали к 30-летнему юбилею комсомола талантливые работы маленьких художников, те работы, которые говорят детским языком, со всей непосредственностью и живостью, свойственной этому возрасту, о чувствах и переживаниях советских ребят.

Перед нами — дети, пережившие значительные события великой эпохи, много видевшие и много думавшие. Работы, которые развешаны на этих стенах, делались, вероятно, не для выставки. Дети трудились над ними, не имея никакой другой цели, кроме того, чтобы выразить свои впечатления и чувства. Может быть, потому-то их рисунки так поражают, трогают и волнуют зрителя.

Каждый из нас, писателей, художников, инженеров, рабочих, ученых, трудится не только для настоящего, но и для будущего. Каждому из нас интересно, любопытно и важно заглянуть в будущее, узнать, кто идет за нами следом. Выставка, на которой мы присутствуем, — одно из окошек в будущее. Мы видим здесь уже какие-то явственные черты, характеризующие младшие поколения, то-есть наш завтрашний день.

То, что нас окружает здесь, — еще не профессиональное искусство и даже не ученические работы, а больше всего талантливая детская игра. Но смотрите, как отчетливо проявляется в ней уменье видеть жизнь, видеть неравнодушно, активно, целеустремленно.

О чем говорит эта выставка?

Дети остаются детьми. Они жизнерадостны, прихотливы, жадно глотают впечатления. У них большой размах, настоящая смелость. Рисунок — примерно в 40 см. длины и в 30 см. ширины — представляет собою, в сущности, целую картину, так называемое «большое полотно». Взгляните хотя бы на маленькое «большое полотно», изображающее Куликовскую битву. Вы найдете на нем отчетливые черты характеров двух народов — русских и татар, найдете массы людей и в то же время красочные отдельные фигуры, найдете историю и взгляд на нее нашего современника, патриота своей страны. Взгляните на другое «большое полотно» — на рисунок, изображающий тракторы в поле. Какое великолепное ощущение вспаханной земли, ощущение человеческого труда, истового и серьезного. Тут и поэтический взгляд художника, и понимание важности дела, которое делают у нас люди и машины, и свойственный ребятам пристальный интерес к технике, ко всем деталям трактора.

Не стоит преувеличивать детскую талантливость, — это не соответствует нашим воспитательным принципам. Но можно с уверенностью сказать, что было бы совсем не худо, если бы взрослые художники могли сохранить на всю жизнь ту свежесть чувств, искренность, взволнованность и честную наблюдательность, которыми отличаются рисунки детей.

Один из маленьких художников изобразил группу играющих ребят. Поразительна та сосредоточенная зоркость, которая позволила автору рисунка передать все разнообразие движений мальчиков и девочек, бегающих, роющихся в снегу или отдыхающих на скамейке.

А как чисты, богаты и радостны краски на всех этих больших и малых полотнах — даже тогда, когда сюжет печален (что бывает, впрочем, очень редко). Дети остаются детьми. Они играют, когда пишут свои картины, и все играет на этих картинах. Но в то же время наша выставка показывает, что советские дети живут одной жизнью со всей страной, радуются ее победам и успехам, ясно понимают ее великие цели и простые, трудовые задачи сегодняшнего дня.

Каждая из представленных здесь республик нашла свое подлинно поэтическое отражение. И как же они отличаются одна от другой — в цвете, в стиле, в характере! Сравните, например, Белоруссию с Киргизией, Эстонию с Арменией. Эта выставка — достаточно убедительный ответ тем нашим зарубежным недоброжелателям, которые все еще пытаются утверждать, что коммунистическое воспитание нивелирует индивидуальности народов и отдельных людей. Выставка детского изобразительного творчества победоносно утверждает обратное. Как в капле воды отражается море, так и в сотнях детских рисунков мы видим богатое разнообразие интересов тех поколений, которые воспитываются в советской семье и школе.

Вероятно, далеко не все из наших маленьких художников станут современем большими профессиональными художниками. Но руки, которые так любовно потрудились над всеми этими рисунками, несомненно, сделают для своей родины много хорошего и замечательного!

Н. ПОГОДИН

Заурядная книга о чудесном городе

Этот документально-литературный сборник вышел в Хабаровске в 1947 году, к пятнадцатилетию Комсомольска-на-Амуре. Многое, и по большей части самое интересное, следует здесь отнести к страницам документального порядка.

В начале книги приводится выписка из протокола № 65 заседания от 10 декабря 1932 года Президиума ВЦИК «О преобразовании селения Пермского Нижне-Тамбовского района Дальне-Восточного края в город Комсомольск-на-Амуре». И следом публикуется письмо товарищу Сталину от трудящихся Комсомольска, написанное в день пятнадцатилетия города. «В этот сравнительно короткий срок Комсомольск-на-Амуре стал городом, который насчитывает свыше ста тысяч населения», — говорится в письме. Эти два документа, поставленные рядом, производят неизгладимое впечатление. В 1932 г. речь шла о глухом селении Пермском на среднем Амуре, сейчас говорится о большом индустриальном, культурном центре, который отмечен на всех картах мира.

На наших глазах возникла и составлялась летопись Комсомольска от ее начальных страниц до нашего времени.

1932 год. «15 апреля. В селе Пермском, на строительной площадке началась рубка первого деревянного дома, — указывается в хронике строительства Комсомольска, приведенной в конце книги. — 1 июля. Вышел первый номер газеты «Амурский ударник». 20 июля. Над тайгой прозвучал первый гудок. Пущен лесозавод в две рамы...»

1933 год. «12 июня. Под салют кораблей Амурской военной флотилии строители-комсомольцы... заложили первый камень в фундамент корпусного цеха судостроительного завода. 23 декабря. Батальоны отдельного строительного корпуса выступили в героический «ледовый» переход по Амуру из Хабаровска в Комсомольск. 1936 год. 1 мая. Машиностроительный завод дал первую продукцию». И так, шаг за шагом до 12 июня 1947 года, когда жители крупнейшего индустриального центра на Дальнем Востоке — города Комсомольска рапортовали товарищу Сталину о том, что ими сделано за 15 лет.

Это удивительная летопись города, где времени тесно, а делам просторно, где отдельный человек захватил в одну жизнь ряд широких биографий, — и каких! Ведь случайным совпадением, в самом деле, не об'яснишь, например, что классический характер героя нашего времени из «Повести о настоящем человеке» возник и сложился именно в Комсомольске, где рос и воспитывался летчик Алексей Маресьев, ставший прообразом Мересьева из книги Б. Полевого.

Какой отвагой, каким мужеством надо было обладать этим пионерам, заложившим город, чтобы поверить в свои силы! Легко сказать — тайга и «мари», означающие непролазную местность, глухомань, бураны Дальнего Востока, но не так легко какому-нибудь уроженцу Одессы, Ростова, Москвы, природному горожанину, перенести первое испытание бураном. И что бураны, если каждый твой шаг бытия берется с боем. Комсомольцы, с'ехавшиеся сюда в годы первой пятилетки, не были отборными чудо-богатырями, они являлись рядовыми добровольцами, какие тысячами раз'езжались по стройкам. И сборник «Комсомольск» правдиво воссоздает образ рядового строителя города первой, теперь легендарной поры.

Вступительная статья Г. Шаталина «Большевистская энергия» и общий очерк И. Машукова «Комсомольск», такие рассказы-воспоминания, как «По путевке комсомола» Л. Качаева — в прошлом московского конструктора, «Мужество» М. Подольского, «Пешком по Амуру» — одного из участников ледового перехода Н. Пичугова, «Канал во льду» инженера В. Юрченко, очерк «Рост» И. Кривоносова — почетного строителя Комсомольска, ныне старшего технолога Судостроительного ордена Трудового Красного Знамени завода, — как, впрочем, и весь фактический материал, — это контуры огромного художественного полотна, набросанного могучей кистью самой жизни.

«Город, которому всего пятнадцать лет от роду, — пишет И. Машуков, — варит сталь, катает прокат, строит суда, перерабатывает нефть, изготовляет самые сложные машины, клепает паровые котлы, изготовляет огнеупоры, кислород, черепицу, электрические чайники и утюги, кровати, посуду, детские велосипеды, радиаторы для отопления, — да разве перечислишь все, что изготовляется ныне в Комсомольске!»

Воспоминания строителей города, непосредственных его создателей, «старичков», рассказы людей, уже не заставших в городе тайги и мари, дают яркие, типичные картины жизни, какой она была и есть в этом городе юности. И все же большого разностороннего полотна у составителей сборника не получилось. От книги с названием «Комсомольск», даже если бы она и не была посвящена пятнадцатилетию знаменитого города, ждешь блестящих страниц, достойных блестящей истории города. Эти страницы попадаются редко, ибо редакция сборника, повидимому, не поставила перед собой больших и трудных литературных задач.

Нельзя давать место рассказам, хотя бы взятым из действительной жизни, но написанным плохо. Так, воспоминания Ф. Куликова «В Комсомольском поселке» выдержаны в стиле той залихватской простоватости, которая отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. Даже в разговорной речи такой тон неприятно действует на слух.

«— А что, ребята, не сходить ли нам сегодня к девчонкам? — спрашивает один из героев рассказа. — В тот день мы никуда не пошли. Как-то само собой вышло, что мы заговорили о жизни, о работе, о любви и увлеклись. Оказалось, что Ворсонин уже влюблен в комсомолку Полину Ведерникову». Всех своих друзей автор называет Митьками, Васьками, Володьками и заодно уясняет для себя, что Ваську Токарева — электросварщика он не взлюбил напрасно, ибо, как оказалось, ничего дурного в том нет, что этот Токарев носил галстук и ходил в кинематограф.

Очерк этот, даже как исключение, дает повод читателю упрекнуть составителей сборника в легком и, может быть, торопливом отношении к делу.

В таких случаях мы, литераторы, обычно предлагаем читателю так называемый «богатый и разносторонний фактический материал», в котором читатель сам может разбираться и, как часто пишут рецензенты, «додумывать» наши писания. Можно, конечно, сказать, как это иногда и говорится, что «за этими скупыми и простыми рассказами скрывается многогранная жизнь». Но что там ни говори, а это плохо, когда жизнь «скрывается», гораздо лучше, когда она раскрывается.

В том, что общей большой картины у составителей сборника не получилось, вина писателей-дальневосточников. Можно лишь подивиться тому, как много из рассказанного в воспоминаниях участниками сборника до сих пор не нашло отражения в творчестве писателей-дальневосточников.

Слов нет, материал сборника подробно и интересно знакомит нас с прошлым и настоящим Комсомольска-на-Амуре, но все же Дальгиз выпустил среднюю книгу, литературная заурядность которой тем более бросается в глаза, что город, получивший имя комсомола, принадлежит к великим делам нашей светлой, одухотворенной молодежи.

¹ «Комсомольск». Сборник. Дальгиз, 1947 г. 280 стр.

Из зала Генеральной Ассамблеи

Хор наемных ораторов

С тех пор как седьмого октября началось обсуждение предложений советской делегации о запрещении атомного оружия и о сокращении на одну треть вооружений и вооруженных сил пятью великими державами, в первом комитете продолжаются прения. Они весьма показательны.

В своих выступлениях на Генеральной Ассамблее и в первом комитете глава делегации СССР А. Я. Вышинский убедительным языком фактов и цифр показал ту агрессивную линию, которую ведут правящие круги США в целях осуществления преступных планов мирового господства. С «миротворцев» типа Маршалла, Бевина и Спаака была сорвана маска ханжества и лицемерия, которой прикрываются лихорадочная гонка вооружений, сколачивание военных блоков, подготовка новых военных авантюр.

Теперь в первом комитете выпущено на сцену «младшее поколение» адвокатов агрессоров, которым поручена неблагодарная и позорная роль — попытаться очернить Советский Союз, дискредитировать его миролюбивую политику, похоронить предложения советской делегации, отвечающие надеждам и чаяниям многомиллионных народов мира.

Американская делегация в течение нескольких дней разыгрывала роль некоей невинной молчаливой монахини, которую тщетно пытались обелить то лощеный лейбористский прокурор Шоукросс, то француз Пароди, то бельгиец Ролен, то еще более мелкая сошка. А тем временем американская монахиня в образе сенатора Остина, насупившись, отмалчивалась, ожидая инструкций от пустившегося в раз'езды Маршалла...

Известно, и это уже отмечала без обиняков парижская пресса, что американские дипломаты не отличаются ни быстротой мысли, ни даром слова, ни гибкостью ума. Может быть, поэтому американская дипломатия вынуждена отмалчиваться перед лицом тех бичующих обвинений, которые нельзя опровергнуть пустыми фразами? Кроме того, в слишком уж неприглядном виде предстала эта долларовая дипломатия перед американскими избирателями накануне президентских выборов в США. Газета «Монд» 11 октября писала, что «Трумэн сегодня больше кандидат в президенты, чем президент», а другая газета высказала предположение, что Трумэн попытается совершить какой-нибудь драматический жест, чтобы изобразить себя перед избирателями в позе противника войны.

Как видно, в такой обстановке решено отделываться в первую очередь наемными ораторами, тем более, что в таковых на Генеральной Ассамблее недостатка нет. В авангарде клеветников и подстрекателей враждебной Советскому Союзу пропаганды идут сейчас лейбористские крикуны Макнейл и Шоукросс.

Выступление Макнейла в первом комитете представляло собой образчик гнусных инсинуаций по адресу СССР и клеветы на внешнюю политику Советского Союза. Если раньше лейбористские лицемеры пытались в отличие от Черчилля рядиться в тогу друзей советского народа, то теперь они открыто высказывают свою неприязнь к СССР. Громкими пацифистскими фразами они стараются прикрыть агрессивные планы англо-американского блока и подготовить провал советских предложений о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений. За отсутствием аргументов Макнейл попробовал огульно опорочить предложения главы советской делегации, заявив, что «никто из нас не был бы хорошим представителем своего народа или своих правительств, если бы мы согласились с его предложениями»... Конечно, не английский народ уполномочил этого наглого лейбористского выскочку выступать с подобными гнусными речами. Его устами говорят Бевин и Маршалл, которых советские предложения приперли к стене.

Речь другого английского делегата — Шоукросса, выступившего 9 октября, была всецело направлена на то, чтобы клеветой и грубой бранью дискредитировать предложения СССР. Прибегая к дешевым адвокатским приемам, Шоукросс пытался доказать «сложность» и «непреодолимость» проблемы сокращения вооружений и установления контроля.

11 октября на заседании первого комитета с подобными же фарисейскими речами выступили французский делегат Пароди, представители Канады, Греции и Сальвадора. Все они, нашпигованные американскими дирижерами, однотонно повторяли призывы к «моральному» и «духовному» разоружению, которое-де должно предшествовать действительному сокращению вооружений.

Сегодня, 12 октября, плотина американского молчания прорвалась. Выступил Остин. Видимо, инструкции из Вашингтона прибыли. Но вместо разбора советских предложений и прямого ответа на них Остин разразился злобными выпадами против СССР. Языком желтой херстовской прессы он попытался очернить внешнюю политику советского государства. Это понадобилось Остину для того, чтобы пустить дымовую завесу, прикрывающую агрессивную политику США, гонку вооружений и подготовку новых военных авантюр.

Как выглядит на деле это так называемое «миролюбие» США и «духовное» разоружение американских «миротворцев», можно легко понять по последним сообщениям парижских газет. «Монд» напечатала заявление сенатора-республиканца Каппера, который деловым языком поджигателя войны сказал то, о чем молча думают Маршалл и Остин. «США должны, очевидно, — заявил Каппер, — кроме осуществления поставок по плану Маршалла, предоставить товары и материалы для перевооружения наших союзников и друзей в Западной Европе». И дальше: «Программа европейского перевооружения оценивается в два миллиарда долларов для первого года...»

Газета «Се Суар», комментируя это заявление, добавляет, что в число американских «друзей», которых намечено перевооружить с помощью нового агрессивного ленд-лиза, входят франкистская Испания и Португалия...

Таким образом, «духовное разоружение», которое проповедуется сейчас англо-американскими адвокатами в Генеральной Ассамблее, предназначено только для того, чтобы замаскировать агрессивные планы, которые замышляются и корректируются в военных штабах и канцеляриях Лондона и Вашингтона.

Делегации СССР и стран новой демократии со всей настойчивостью и мужеством продолжают разоблачать поджигателей войны, отстаивая благородное дело мира.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 12 октября. (По телеграфу)

И. ЗВАВИЧ

БРИТАНСКИЕ «ЖИЗНЕННО ВАЖНЫЕ ПРОСТРАНСТВА»

Британские империалисты не желают отставать от своих американских хозяев, по крайней мере, в мыслях и мечтах. Одряхлевший британский лев все еще зарится на чужое, хотя его аппетит острее, чем его зубы.

Свидетельством аппетитов британских империалистов является карта восточного полушария, опубликованная в английском журнале «Иллюстрейтед Лондон ньюс» 28 февраля 1948 года. Эта карта сопровождала статью постоянного сотрудника журнала профессора Сирила Фоллса, руководителя кафедры военной истории в Оксфордском университете.

Профессор Сирил Фоллс—человек бывалый. Еще недавно в чине капитана он был ведущим сотрудником военно-исторической секции Комитета имперской обороны и военным корреспондентом «Таймса». Он является автором ряда разделов официальной британской истории первой мировой войны (история военных действий в Египте и Палестине, Македонии и Франции). Ныне, в свете своего штабного опыта, профессор Сирил Фоллс наставляет оксфордских студентов, что управление Старым светом — их священная обязанность, как британских джентльменов, и составляет карты и статьи для «Иллюстрейтед Лондон ньюс».

Взглянув на карту восточного полушария, приложенную к статье профессора Фоллса, читатель убедится, что, по мнению автора, «жизненно важные» линии интересов Великобритании опоясывают Европу и Африку, а заодно и Азию с юга и запада, пересекая все три континента. Фоллс устанавливает три британских «жизненно важных пространства»: а) восточно-африканское; б) дальневосточное и в) средневосточное.

Терминология профессора-капитана Фоллса ничем не отличается от терминологии профессора-генерала Гаусгофера, советника Гитлера и «отца» фашистской геополитики. Гаусгофер говорил о «жизненном пространстве»; Фоллс пишет о «жизненно важных пространствах». Гаусгофер требовал признания для гитлеровской Германии господства над такими территориями, которые, по его мнению, были «жизненными» для германского империализма; Фоллс, по существу, требует того же — британского господства над «жизненно важными» областями трех континентов.

На карте британские «жизненно важные пространства» обозначены кругами.

В Африке профессор Фоллс претендует не только на сохранение за Англией мандатной территории Танганьики и британских колоний прежних дней, но жаждет сохранения в составе «жизненно важного пространства» Египта (требующего полной независимости), Эфиопии (недавно освободившейся от итальянского господства), части бывших итальянских колоний (в том числе и тех, как Сомали, которые британские дипломаты на словах готовы передать под опеку Италии).

В Азии профессор продолжает числить в составе британского «жизненно важного пространства» Индию, Пакистан и Цейлон, ничуть не считаясь с провозглашением статута доминиона в этих странах; он также смело оттяпал в свое британское «пространство» Бирму, которая провозглашена вовсе «независимой», и зачислил туда же треть территории Китая.

Но алчность Фоллса превосходит все границы, когда он обращается к странам Европы и бассейна Средиземного моря: эту область ему угодно называть средневосточным «жизненно важным пространством Великобритании».

Советский читатель с изумлением протрет глаза, рассматривая карту почтенного профессора. Вся Украина и весь Кавказ попадают в зону британского «жизненно важного пространства» на Среднем Востоке!

Стоит обратить внимание, как «аккуратно» проведена орбита британского круга: британскому «гаусгоферу» Фоллсу нужно, чтобы она охватила Баку, и Каспийское море делится с этим расчетом на две части; ему нужны Кипр и проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря, и они оказываются как раз в центре круга; ему нужен весь Ирак и основные нефтяные районы Ирана, и они также охвачены. В этом бреде есть определенная система.

В средневосточное «британское жизненное пространство» попадают, кстати говоря, и все страны юго-восточной Европы. Не потому ли включает их сюда Фоллс, что желает «обосновать» британскую интервенцию в Греции и право на вмешательство Великобритании во внутреннюю жизнь балканских и дунайских стран? Мы помним, что у британского делегата Пика на Дунайской конференции не было карты для того, чтобы обнаружить СССР среди дунайских держав. Но, вполне вероятно, что у сэра Пика была карта, подобная той, которую начертал профессор Фоллс, и согласно которой Дунай — британская река!

В СССР никто и никогда не претендовал ни на Шотландию, ни на Северную Ирландию, ни на Канаду, ни на Южную Африку, а вот профессор Фоллс и его хозяева-покровители — Бевин, Черчилль и все те, кто жалуется на несуществующую советскую угрозу, не могут глаз оторвать от Украины и Кавказа. Их взор останавливается «каждый раз на этом самом месте».

Рекомендуем профессору Фоллсу, а также тем, кто пользуется его услугами, составить историческую карту на тему о том, где и когда, хотя бы в пределах орбиты «средневосточного круга», советские войска били интервентов. И постараться твердо заучить ее. Это, несомненно, подействует отрезвляюще. А то мания величия не способствует спокойному логическому мышлению.

Георгий ГУЛИА

Злодейский суд, презренные судьи!

Каждый политический процесс, который происходит в США — царстве золотого тельца, стране, где все продается и покупается, не исключая чести и совести, всегда привлекает, вполне естественно, самое пристальное внимание мировой общественности.

На этот раз речь идет о предстоящем суде над Вильямом Фостером, Юджином Деннисом и их ближайшими друзьями, руководителями американской коммунистической партии, расправу над которыми готовит реакция.

«Лавры» фашистских головорезов, в свое время инсценировавших суд над Георгием Димитровым, не дают покоя их американским коллегам и в первую очередь деятелям пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Костлявая рука Геббельса маячит перед их глазами и указует им путь подавления всего действительно прогрессивного, всего действительно передового.

Изуверское «кредо» этих господ с циничной откровенностью сформулировал председатель комиссии Парнелл Томас: «В настоящий момент, — заявил он однажды, — мы не можем посадить в тюрьму человека за то, что он коммунист, но возможно, что завтра это уже будет осуществимо...» Это — азы фашизма. С этого начинал и Гитлер.

Люди, которых ныне американская юстиция называет подсудимыми, боролись и борются за счастье американского народа. Они стойко защищают интересы трудящихся Америки.

Как и все честные люди мира, американские коммунисты — противники новой войны, они активно борются за мир между народами. Не подлежит сомнению и тот факт, что коммунисты не желают, чтобы с помощью даллесов, клеев, макартуров возродился германский империализм, а на Востоке снова поднял голову японский дракон войны.

Они, американские коммунисты, не хотят этого по многим причинам. В первую очередь — во имя благоденствия своего народа, которому отвратительна мысль о новой бойне. Война принесла бы неисчислимые бедствия всему человечеству,—это тоже, нам кажется, немаловажная причина, почему коммунисты так страстно противятся планам империалистов...

Что ж, в этом американские коммунисты и вправду повинны перед воротилами Уолл-стрита, перед поджигателями войны. Все это, господа американские судьи, вы действительно можете инкриминировать своим «подсудимым». Но с каких пор деятельность на благо родного народа стала преступлением? Да еще в стране, кичившейся своей «демократией»? И вы, судьи, сумеете ли вы посмотреть прямо в глаза тем, кто будет стоять за перегородкой, сумеете ли вы, не дрогнув, не отводя взгляда, повторить вслух нелепейшие обвинения, которые вы возвели на достойных сынов американского народа?..

Однако бросим взгляд на господ судей: Возьмем председателя суда присяжных Эдмунда Кокса.

В нем, как в капле воды, отразилась уродливая физиономия американской юстиции. Кокс, разумеется, банкир, вице-председатель «Гринвич сейвингс бэнк». Банк, который представляет мистер Кокс, в числе двадцати семи других предприятий такого же рода, был обвинен правительством США в «преступной незаконной заговорщической деятельности» с целью помешать строительству новых домов в негритянских районах. За этой канцелярской фразой скрываются страдания и слезы тысяч негров.

Коксам и их высоким покровителям надо сейчас, в связи с предстоящими президентскими выборами, во что бы то ни стало отвлечь внимание общественности США, американского народа от внешних и внутренних затруднений, созданных заправляющими в настоящее время делами в стране сторонниками антирузвельтовского курса. Этой задаче и должен послужить назначенный на 15 октября — меньше чем за три недели до выборов! — процесс руководителей компартии и злобная, клеветническая шумиха вокруг него, поднятая продажной печатью.

И республиканцы и демократы пытаются изобразить оголтелую кампанию травли и преследований прогрессивных деятелей и организаций, как «особую заслугу» своих партий, и в этом отношении стараются перещеголять друг друга. Предвыборные страсти разгорелись настолько, что между республиканским руководством комиссии по расследованию антиамериканской деятельности конгресса и правительством Трумэна возник даже недавно шумный конфликт.

Правительство Трумэна, преследующее прогрессивно настроенных американцев с не меньшим рвением, чем комиссия Томаса, в то же время отлично понимает, что Томас использует свои полномочия в интересах республиканской предвыборной пропаганды для дискредитации демократической партии, которую он обвиняет в неспособности справиться с «шпионами». Поэтому демократы решили предпринять ответные шаги.

Министерство юстиции выступило с заявлением о «некомпетентности» комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и о том, что все ее вопли о шпионаже — бездоказательны.

Республиканцы не остались в долгу. С ответными обвинениями по адресу правительства выступил исполняющий сейчас обязанности председателя этой комиссии Макдоуэлл. В полемическом азарте, желая доказать «нерадивость» министерства юстиции, он заявил, что «обвинительные акты, выдвинутые министерством юстиции против двенадцати членов компартии, не обоснованы»...

Предвыборная схватка двух партий разоблачила всю вздорность и нелепость обвинений, пред'явленных коммунистам.

Адвокаты подсудимых, поддержанные прогрессивными деятелями США, вновь потребовали отсрочки процесса. Однако министерство юстиции и Федеральный суд, желая продемонстрировать, что они являются не меньшими противниками коммунизма, чем заправилы республиканской партии, отказались это сделать. В то же время Федеральный суд перенес на 9 ноября разбирательство дела небезызвестного Джона Фостера Даллеса, обвиняемого в содействии нацистским монополистам. Правительство явно опасается разоблачения грязных махинаций Даллеса, ибо он является одним из вдохновителей двухпартийной внешней политики Трумэна.

Под сенью статуи Свободы затевается постыдный процесс. Лучших сынов американского народа будут судить служители Фемиды, из черных мантий которых глядят хищные физиономии банкиров, промышленников, тузов капитализма.

На защиту американских коммунистов встанут миллионы людей, верящих в светлое будущее человечества, к которому с непреклонной волей стремятся широчайшие народные массы. История пригвоздит к позорному столбу инициаторов этого провокационного процесса и их покровителей, и человечество, освобожденное от гнета эксплоататоров, скажет:

— То был злодейский суд, презренные, продажные судьи!

Андре СИМОН

У карты Европы

Чтение географической карты может быть иной раз весьма драматическим занятием. Один французский статистик начертил великолепную разноцветную карту Европы. Территорию Франции он покрыл зеленой краской, Великобритании — светлофиолетовой, Западной Германии — розовой; итальянский сапог окрасил в желтый цвет, а маленькую Бельгию — в коричневый. В центре каждой страны он написал белой краской цифры. Италия — 2.500.000 (теперь уже 3.000.000.—**А. С.**), Великобритания — 300.000, Западная Германия — 500.000, Франция—300.000, Бельгия — 120.000...

Это — количество безработных в перечисленных странах. Так, в море красок отразилась новая и в то же время такая старая трагедия капиталистической части Европы.

Снова люди в ней провинились перед законом, который, по словам Анатоля Франса, «запрещает и богатым и бедным спать под мостом». В Париже целые семьи спят в метро. В Великобритании люди подбирают окурки на улицах. В Неаполе четырнадцатилетний парнишка ищет «гостей» для своей пятнадцатилетней сестры.

Государства Восточной и Юго-Восточной Европы также обозначены на карте различными цветами. Посредине каждого из них также стоит число. Однако на всех этих странах проставлены одинаковые числа — 0. Ни в одной из них нет безработных.

Цифры, обозначающие миллионы и сотни тысяч безработных в капиталистической Европе, и цифра 0 на территориях Советского Союза и народно-демократических государств противостоят друг другу, как символы двух миров. Один — это мир капиталистической анархии и эксплоатации, другой—мир планового хозяйства, где социализм либо уже полностью устранил эксплоатацию человека человеком, либо — в странах новой демократии — выкорчевывает ее остатки.

Трагедия в цифрах имеет в Западной Европе много вариантов.

Автор карты мог бы начертать на ней цифры военных расходов. Выступая недавно на конгрессе тред'юнионов, министр финансов Великобритании сэр Стаффорд Криппс требовал от народа новых жертв. А несколькими днями позже его коллега, заместитель премьер-министра Герберт Моррисон заявил, что Англия вступила на путь еще более быстрого вооружения и что демобилизация откладывается пока что на три месяца. Расходы Англии на военные нужды равны 692 миллионам фунтов стерлингов в год — почти 35 процентам всего бюджета. В 1946 и 1947 годах военные расходы поглотили почти две трети первого большого американского займа, сумма которого равнялась 3.750.000 долларов.

Во Франции военные расходы составляют 450 миллиардов франков — 45 процентов бюджета. Миллиард расходуется еженедельно на финансирование войны против вьетнамского народа!

Автор карты смог бы обозначить на ней флажками европейские государства, которые ведут сейчас войну. Английское лейбористское правительство с помощью войск, самолетов, танков и орудий пытается подавить национально-освободительное движение малайского народа (мы уже не говорим о замаскированном участии Англии в военных действиях в Палестине, Бирме и Хайдарабаде). Парижское правительство воюет с Вьетнамской республикой; французским министром национальной обороны является правый социалист Рамадье. Голландское правительство, во главе которого стоит правый социалист Дрейс, ведет войну с Индонезийской республикой.

Часть оружия дают им Соединенные Штаты Америки. Вашингтонское правительство поставило только одно условие: устранить фабричные марки, указывающие на происхождение оружия. Уолл-стрит не желает, чтобы оставшимся в живых стало известно, что их братья и сестры стали жертвами американского оружия.

Эту карту автор мог бы также снабдить цифрами, показывающими соотношение между ценами и заработной платой. Греция под покровительством американских интервентов заняла бы первое место. Цены выросли там по сравнению с довоенным уровнем в 345 раз, а заработная плата лишь в 150 раз. Нельзя не заметить при этом, что на территории, контролируемой афинскими фашистами, 60 тысяч рабочих — безработные.

В Великобритании цены за последний год, по официальным данным, выросли на 10 процентов. Статистика, как гласит пословица, служит многим господам. В данном случае она служит лейбористскому правительству. Лейбористская статистика охватывает цены только нормированных товаров. Она умалчивает, например, о том, что овощи во многих случаях — предмет роскоши, недоступной для трудящегося.

В то же время английские капиталисты заработали немало. 884 общества при подаче в этом году сведений признались, что их прибыли на 25 процентов превышают прошлогодние. Однако заработная плата осталась та же самая. Она настолько низка, что, созывая митинг в связи с требованиями о повышении зарплаты, металлисты написали на городском доме в Актоне (Лондон) плакат: «Металлисты тоже должны жить».

В «Белой книге» английское правительство принуждено было этой весной признать, что после получения помощи по «плану Маршалла» количество калорий в пище, потребляемой ежедневно жителями Британских островов, снизилось на 200 на человека. А в прошлом году лондонский «Экономист» писал, что трудящиеся получают на 20 процентов меньше калорий, чем в 1946 году...

Цены во Франции растут так быстро, что автору карты пришлось бы исправлять цифры почти каждый день. С начала прошлого года, то-есть с момента исключения коммунистов из правительства, индекс цен удвоился. Правительство Анри Кэя начало свою деятельность с повышения цен и подоходного налога.

Премьер-министр Анри Кэй — по профессии врач. В кулуарах французского парламента говорят, что ни его диагноз «болезни нынешней Франции», ни его рецепты не являются правильными. Некоторые депутаты парламента разглагольствуют о новом чуде медицины: лечении на расстоянии; врач, говорят они, находится в Вашингтоне. В кулуарах эти люди цинично признаются, что лечение успешным не будет. Однако на открытых собраниях они лезут из кожи вон, расхваливая вашингтонского лекаря — генерала Маршалла...

В Италии правительство де Гаспери, которое с помощью сарагатовцев несет гнусную службу в пользу вашингтонских господ, в августе повысило цены на хлеб, макароны, газ и электричество, а также почтовые и транспортные тарифы на 50 процентов. Заработная плата трудящихся осталась прежней.

Темой для автора карты могло бы послужить и массовое «вымирание» западноевропейской промышленности. Американские империалисты — большие любители природы. Поэтому, вероятно, один из представителей США, наблюдающих за осуществлением «плана Маршалла» в Европе, мистер Гарриман заявил, что Франция — «великолепный естественный парк», который жалко «портить промышленностью». Гарриман привез в Европу список промышленных предприятий, которые по «плану Маршалла» приговорены к смерти. Французская кинопромышленность уже при последнем издыхании. Авиазаводы знают, что американский врач и на них смотрит, как на умирающих. Текстильная промышленность ждет, что Гарриман прикроет ее: в магазинах уже появились изделия американских швейных фабрик.

Британским, норвежским и голландским верфям Вашингтон отдал приказ — ограничить постройку кораблей. В Америке имеются тысячи так называемых «кораблей свободы». Они были построены во время войны, но непригодны для эксплоатации в мирное время. Тем не менее эти корабли пачками отправляются по «плану Маршалла» европейским клиентам. Гудки «кораблей свободы» в европейских портах — своеобразный похоронный звон для западных государств, которым запрещено строить собственный флот.

Автор карты мог бы украсить свое произведение диаграммами, демонстрирующими состояние торговли между Западной и Восточной и Юго-Восточной Европой в прежнее время. Это были бы внушительные цифры. Но если одновременно с этим воспроизвести и цифры нынешней торговли, то сразу стало бы ясным, что она снизилась почти до нуля. «План Маршалла» не дает возможности для развития этой торговли. Польский уголь дешевле американского. Но Франция должна покупать уголь в Америке. Восточная и Юго-Восточная Европа — естественные поставщики сырья и продовольствия для Западной Европы. Однако государства «плана Маршалла» принуждены покупать их в Америке, притом в ограниченных количествах. Отсюда упадок жизненного уровня населения, вымирание национальной промышленности, рост безработицы. Америка почти ничего не покупает в западноевропейских государствах, и поэтому баланс внешней торговли в этих странах резко пассивный.

Так «план Маршалла» стал для трудящихся Западной Европы синонимом нищеты и голода. Народы Западной Европы расплачиваются этой дорогой ценой за то, что их правительства продали свободу решения в области политики и экономики за американские подачки.

Влияние «плана Маршалла» кончается там, где проходят границы народно-демократических государств. Здесь цифры на карте показывают иную картину — картину превосходства социализма над капитализмом. Народно-демократический строй, плановое хозяйство привели Восточную и Юго-Восточную Европу к быстрому возрождению и расцвету, зажгли в сердцах народов веру в счастливое будущее.

Уже по двухлетнему плану в Чехословакии построен ряд крупных заводов, а продовольственное снабжение увеличено на 25 процентов. По пятилетнему плану, который начнет выполняться с января будущего года, потребление на одного жителя страны вырастет еще на 34 процента. В первой пятилетке промышленное производство Чехословакии увеличится на 57 процентов по сравнению с нынешним годом и на 70 процентов по сравнению с довоенным уровнем.

Тот же процесс автор карты смог бы зафиксировать и на территории других народно-демократических государств. По добыче угля Польша заняла после СССР первое место в Европе. Венгрия превысила довоенную добычу угля. Промышленное производство Болгарии ныне наполовину выше, чем до войны.

«Ножницы» цен и зарплаты закрылись. В Чехословакии, например, цены по сравнению с довоенным уровнем выросли втрое, а зарплата — в три с половиной раза.

Этот рост народного благосостояния в странах новой демократии продолжается. Он идет все быстрее по мере устранения капиталистического влияния в деревне и капиталистических методов сельскохозяйственного производства.

Освобождение государств Восточной и Юго-Восточной Европы Советской Армией открыло для них эру национального возрождения. Договоры о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом и друг с другом впервые в истории обеспечили народам этих стран право на самоопределение и свободу решения в области политики и экономики.

Бескорыстная помощь Советского Союза и взаимопомощь позволили странам народной демократии выполнить свои производственные планы, обеспечить снабжение в годы засухи и неурожая. Являясь самой сильной и прочной опорой в борьбе за мир, Советский Союз служит также могучей гарантией величайшего роста благосостояния свободных демократических государств.

Таков неизбежный итог чтения карты французского статистика.

ПРАГА. Октябрь.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. М'ТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02177.